

АННА МАЛЫШЕВА

Любовники по наследству

ДЕТЕКТИВ

Можно попасть даже в ту мышеловку, в которой нет сыра

Издательство «Астрель»

Анна Малышева
Любовники по наследству

«АСТ»

2004

Мальшева А. В.

Любовники по наследству / А. В. Мальшева — «АСТ», 2004

Находясь в Подмоскowie на психологическом семинаре, Марина неожиданно встречает сестру. Та явно пытается от кого-то спрятаться в никому не известном месте. Тем же вечером она гибнет, утонув в реке. Марина уверена, что ее смерть не случайна. Узнавая множество подробностей из личной жизни сестры, связанных с ее деньгами и ее мужчинами, женщина все больше подвергается опасности. Оказывается, теперь темным знакомым сестры нужна ее наследница – она. И по самым разным причинам...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	43
Глава 5	54
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Анна Малышева

Любовники по наследству

Глава 1

Кто знает, когда бы ее нашли, если бы в тот вечер влюбленной парочке из этого пансионата не вздумалось прогуляться вдоль речки после захода солнца. Они спустились по берегу почти до самой ограды, за которой начинался сосновый бор, и собирались было повернуть обратно, когда девушка заметила, что у противоположного берега в воде что-то белеет. Речушка была шириной не больше пяти метров, и они в конце концов разглядели, что это такое. Девушка говорила потом, что они зачем-то ее окликнули. Что это была «она», они поняли сразу, но в то, что «она» мертва, не могли поверить. Парень остался на берегу сторожить «ее», а девушке велел бежать в пансионат. И удивительно, вспоминала потом Марина, как только эта девушка появилась в ярко освещенном холле – бледная, в запачканных травой белых джинсах, – ей сразу на ум пришла Лена. Почему? Может быть, потому, что и у Лены, когда она вот так же неожиданно появилась вчера в холле, было бледное лицо и растерянный взгляд. И когда полчаса спустя «ее» принесли в пансионат и Марина протиснулась сквозь набежавшую толпу, «она» действительно оказалась Леной.

Лена, ее сестра, лежала на цементных плитах террасы, под зеленоватым светом фонаря, в мокром черном купальнике, раскинув ноги. Лицо было наполовину прикрыто спутанными рыжими волосами, которые от воды казались темнее.

Все последовавшее Марина помнила как сквозь сон. Кажется, она назвалась ее сестрой, куда-то пошла с администратором. Она сидела в его кабинете на желтом кожаном диване и курила откуда-то взявшиеся сигареты. Потом отвечала на вопросы и долго вспоминала номер домашнего телефона Лены, пока не сообразила, что в квартире никто, кроме нее, не жил и звонить туда было некому и незачем.

На вопрос, который она наконец задала, получила четкий и немедленный ответ: «Да, мертва». Лену она в тот вечер больше не видела – ее увезли в морг, на медицинскую экспертизу. Потом как-то сразу наступила ночь, и она оказалась в своем номере снова сидящей на диване, на этот раз красном. Перед ней на столе горела лампа, но она не помнила, что включала свет. В окне виднелась слабо освещенная лужайка, угол запертого теннисного корта. Дальше, в черной тени соснового леса, терялась речка. Ночь была теплой, не верилось, что август на исходе. Оглушительно трещали сверчки. По той тишине, которая стояла в здании, Марина поняла, что уже глубокая ночь. И еще она поняла, что оба номера по соседству от нее совершенно пусты. В номере справа никто не жил, в другом до сегодняшнего дня жила Лена. Еще сегодня, когда Марина поднялась к себе после ужина, она слышала, как там в стенном шкафу заскрипела дверца и с грохотом упала на дно вешалка. Теперь там стояла тишина. Она посмотрела на часы – половина второго. Все же она решила спуститься вниз, раздобыть сигарет у портье.

В коридоре было пусто, потрескивали под потолком длинные лампы дневного света, горящие через одну. Она прошла через пустую, слабо освещенную гостиную, спустилась по лестнице, не встретив ни одного человека. В холле свет был погашен, лампа горела только в одном углу, где находилась стойка портье. Он поднял голову, взглядываясь в темноту, и, узнав Марину, сочувственно ей кивнул.

– Бар закрыт, но «Мальборо» я вам могу предложить, – сказал он в ответ на ее просьбу. – И если пожелаете, ликер...

Марина расплатилась и, держа бутылку за горлышко, нерешительно посмотрела на него.

– Ужасно, такая молодая девушка, – сочувственно поймал ее взгляд портье. Это был плотный мужчина лет за шестьдесят, вида одновременно хитрого и простоватого. Еще несколько лет назад он обслуживал привилегированных посетителей, которые отдыхали в этом подмосковном пансионате, среди речек и сосновых лесов. – Ведь ей, наверное, еще и тридцати не было?

– Двадцать девять, – машинально поправила его Марина. «И теперь всегда будет двадцать девять, я буду стареть за двоих», – подумала она.

– И семья есть?

– Нет, семьи нет... – так же механически отвечала Марина.

– Что ж, хотя бы детей не оставила... – Портье покачал головой. – Кто бы мог подумать? Такая веселая, такая... Ведь если бы не она, у меня никто бы и ключей от корта не брал. Отдыхающих-то сейчас почти нет, только врачи, а они целый день на семинаре. Только вчера, когда она заселилась, я эти ключи в первый раз и выдал. Утром возьмет, вечером отдаст. А сегодня уже и ужин прошел, темнеет, смотрю – ключей-то нет! Пошел на корт – бьет мячом о стенку, а мяча почти не видно. «Ой, – говорит, – извините, вот ключ, а я пойду окунусь». Я еще сказал ей: вода-то сейчас уже не та, все же август, а она только смеется: окунусь, и ладно! Кто бы знал... – Портье перегнулся через стойку. – Наш врач сказал – видимо, переохлаждение, остановка сердца. Ну кто же сейчас купается? Днем еще туда-сюда. А она уже впотьмах пошла, да еще разгоряченная...

Марина взглянула на него, что-то припомнив.

– Как вы сказали – сразу пошла купаться? В корпус не заходила?

– Да нет же, так и побежала, как была. Отдала мне ключ от корта, мяч, ракетку и побежала.

Марина припомнила – да, верно, со вчерашнего дня Лена все время пропадала на корте. В пансионат возвращалась только на обед, потом принимала душ и снова спускалась вниз – «загар полировать», как, смеясь, говорила она. Вчера после обеда Лена на часок зашла к ней. Они поболтали, Лена достала привезенную из Москвы бутылку венгерского рислинга. Ей не сиделось на месте, от нее так и полыхало жаром солнца, которым за день пропиталась кожа. Потом Лена сказала, что опять идет «лупить». Хотя играла она отвратительно, но готова была бить мячом о стенку хоть до полуночи. А сегодня даже на ужин не пошла, хотя Марина сходила на корт, позвала ее. Но та едва обернулась. Скакала по синему прорезиненному покрытию на крепких загорелых ногах. Ее медные волосы прилипли к покрасневшимся щекам, глаза сердито и азартно блестели. Она пучила губы и с отмашкой била по мячу тяжелой, не по руке, ракеткой. Крикнула, что есть не хочет, пусть Марина идет одна. И больше в пансионат не возвращалась.

И тут словно ледяной ветерок дунул вдруг на Марину: она поняла, что в номере сестры после ужина кто-то был! Кто-то отпер соседнюю дверь, ходил там, скрипел дверцей шкафа, гремел вешалками – это она слышала совершенно ясно, между стенными шкафами была деревянная перегородка, а не капитальная стена. И в то же время на корте не умолкал – теперь она это ясно вспомнила – стук мяча. Сразу после ужина она слышала одновременно два звука, которые могла производить только Лена, – шум в ее номере и стук мяча на корте! Но значит, в номере была не она... В течение пятнадцати минут в номере у Лены кто-то был – и этот кто-то очень торопился, потому что Марина, слушая тогда эти звуки, подумала вскользь, что Лена куда-то спешит как на пожар, уж не нашла ли себе кавалера...

Только сейчас она по-настоящему ощутила ужас, связав звуки в номере сестры с картинкой, которая явилась ей этим вечером на террасе под зеленым светом фонаря. Лена, которая плавала как рыба, могла плыть по такой речушке сколько душе угодно, зная, что в любой момент может встать и достать ногами дно... А тот человек, который был у нее в номере, – кто он такой? И где он сейчас? Может быть, в одном из этих полuosвещенных длинных коридоров,

где не встретишь ни души? И она поняла, что не решится отойти от освещенной стойки, вернуться обратно в эти коридоры, пустые гостиные, не сможет без страха войти в свою комнату... «Надо сказать кому-то, что в номере у Лены кто-то был, – мелькнула у нее мысль. – Но кому? Портье? О Господи, а ведь я сейчас боюсь даже его...»

– Скажите, существует другой вход в пансионат? – вместо этого спросила она. – Кроме главного?

– Ну конечно, – кивнул портье. – Служебный вход, он открыт весь день. И задняя лестница тоже кончается дверью на лужайку.

– Она открыта?

– Днем открыта, вечером я ее запираю.

– Приблизительно во сколько?

– Заднюю лестницу – сразу после ужина, отдыхающие обычно пользуются ей, чтобы сократить путь к речке или на корт. Ну а после ужина туда, как водится, никто уже не ходит. А служебный вход – в одиннадцать.

– И сегодня вы заперли заднюю лестницу сразу после ужина?

– А почему вы спрашиваете? – встревожился портье.

– Просто мне показалось, что Лена все же возвращалась после ужина в свой номер. А вы говорите, что ее не видели. Значит, она прошла тем путем.

Портье призадумался:

– Вы говорите, что видели свою сестру в корпусе сразу после ужина? Тогда одно из двух: или она прошла через заднюю лестницу как раз тогда, когда я пошел ее запиравать, или через главный вход в то время, когда я ее уже запираю. Да, конечно, так мы могли разминуться.

– А служебный вход?

– Он находится сбоку здания, в стороне от корта... Те, кто хочет туда пройти, им обычно не пользуются, – для этого пришлось бы сделать крюк...

– И все же им можно пройти?

– Да, конечно. Но почему вы спрашиваете?

Марина, желая замять разговор, распечатала пачку сигарет. Портье поднес ей зажигалку.

Итак, тот, кто был в номере у Лены, мог пройти в пансионат тремя разными путями. А может быть, он и не выходил из корпуса все это время? Ведь Лену, машущую на корте ракеткой, можно было увидеть из любого окна, выходящего на лужайку, или, даже не видя ее, слышать, как она стучит. И пока мяч стучал о дощатую стенку, можно было не сомневаться в том, что она находится на корте, и оставаться в ее номере сколько угодно. Но для этого надо было иметь ключ...

– А ключи? – вслух спросила Марина и осеклась.

– Ключи? – совсем уже встревожился портье. – Какие ключи?

– Ах нет, я хотела сказать, что она вечно забывала где-то свои ключи...

– Забывала ключи? Не понимаю. Ключ от ее номера нашли в кармане ее шорт, там, где она оставила свою одежду, у самой лесенки. Конечно, это не слишком осторожно, но случаи воровства у нас чрезвычайно редки...

– У лесенки?

– Ну да, у железной лесенки, на берегу, там, где спускаются в речку. Ее ведь нашли много ниже по течению, а одежда лежала прямо напротив корпуса. Одежда, кажется, у администратора. Вам, наверное, нелегко слышать все это? Я думаю, завтра ее номер откроют, и вы забереете ее вещи...

Марина почти не слушала, что он говорил дальше. Итак, сразу после ужина портье, который обнаружил, что ключа от корта ему никто не вернул, вышел через заднюю лестницу на корт и увидел там Лену. Она отдала ему ключ и сразу побежала к воде – «окупнуться». Одежду, в том числе и шорты, где был ключ от номера, она оставила на берегу. После чего вошла в

воду и... А что было дальше, никто пока не знает, это скажет врач. Переохлаждение, остановка сердца... Нет, нет, нет! Когда ключ лежал на берегу, доступный всем, когда за ним никто уже не следил, когда его мог взять кто угодно и отпереть номер Лены, на корте уже никого не было! А ведь там в это время стучал мяч... Нет, когда отпирали дверь номера, Лена была еще на корте. Ключ лежал у нее в кармане. И тот, кто отпер дверь, сделал это своим, личным ключом... А если у него был ключ от номера Лены, значит, мог быть ключ и от любого другого номера... В том числе и от ее собственного...

Марина устало прикрыла глаза. Свет лампы бил ей прямо в лицо. Портье сочувственно наблюдал за ней.

– Вы лучше попробуйте поспать немного, – посоветовал он. – Конечно, вам сейчас тяжело. Но завтра у вас будет, кажется, трудный день.

Она кивнула.

– Теперь я, наверное, не останусь здесь до конца семинара, – сказала она. – Я вряд ли смогу что-то воспринимать. Завтра сдам номер.

Она пошла наверх, думая по дороге, что именно она скажет завтра руководительнице семинара, как простится с коллегами, со своими новыми друзьями, как они будут выражать свои соболезнования, говорить, какой веселой и жизнерадостной была ее сестра, как они все успели ее полюбить... «Все это пустые слова, – горько подумала она. – Какой именно была моя сестра, знаю только я, и за все эти годы я так и не смогла ее полюбить...» Потом она подумала о Москве, о Сергее, который сейчас спит сладким сном, не зная о том, что случилось... А ведь это он сказал Лене, приехавшей три дня назад из шоп-тура в Арабские Эмираты, что Марина находится в Подмосковье, на семинаре по мануальной терапии... Она вспомнила и свою больницу, белый халат, который снова наденет через два дня, главврача, у которого она почти на коленях выпросила путевку на семинар – чтобы не считать это лето погубленным... «Это лето и мою жизнь», – усмехнулась, отпирая дверь своего номера. Она поймала себя на том, что старается ни о чем не думать: ни о ключе, ни о стуке мяча, ни о шорохах в соседнем номере, где сейчас было совсем тихо. Ни о самой Лене.

Она открыла бутылку бананового ликера, который портье продал с ночной наценкой и без всякой скидки на ее несчастье, налила полстакана, разбавила водой из графина и выпила не переводя дыхания. Желудок тут же согрелся, и мелкая холодная дрожь, которая била ее изнутри весь вечер, прекратилась. Выпила еще немного и закурила сигарету, глядя в открытое окно, откуда мягко веяло ночной свежестью. Было совсем уже темно, только одно-два пятна света из окон падали на лужайку. Корта почти не было видно, а речки и подавно. Она решила лечь и попытаться уснуть. Но едва закрыла глаза, перед ней снова появилась Лена – высокая, загорелая, в белом холщовом костюме, с дорожной сумкой через плечо – такая, какой она появилась позавчера в холле гостиницы. Марина тогда как раз вышла вместе с остальными врачами из конференц-зала на перекур. Она сразу увидела сестру, испытал что-то вроде легкого потрясения. А Лена, заметив ее, шагнула навстречу, расцветая своей неподражаемой улыбкой.

– Сергей сказал, что ты здесь, – сообщила она после первых восклицаний. – Я и решила махнуть к тебе на несколько деньков. Не прогонишь?

Лена смеялась, щурила карие глаза и казалась тогда одновременно довольной произведенным эффектом и все же неуверенной в себе. Марина хорошо знала это выражение ее лица.

– Портье сказал, что свободных номеров полно. Ты в каком? Может, соседями будем?

Марина назвала свой номер.

– Триста двадцать пять, триста двадцать пять... – весело, как считалку, проговорила Лена и кивнула сестре. – Ну, тогда пойду, урву что-то к тебе поближе. Как устроюсь, найду.

И, подхватив сумку на плечо, она развернулась и пружинистым шагом направилась к портье, который уже сладко улыбался ей навстречу, заранее очарованный ее щедрыми улыб-

ками и бессознательным кокетством, с которым она приближалась к любому мужчине, будь ему даже за девяносто...

Вспомнив все это, Марина со стоном перевернулась на бок и резко села в постели. Включила настольную лампу, набросила на нее платок. Глядя прямо перед собой, продолжала вспоминать.

Лена только что вернулась из Эмиратов. На сей раз она ездила в Дубай за косметикой и парфюмерией. По словам Лены, съездила так себе, в Дубае все подорожало, «скоро придется свертывать этот бизнес». «Визгу много, шерсти мало, – рассказывала она. – Надоело надрываться, Маринка. Ты мне завидуешь, нет, правда же, завидуешь – за красивым товаром гоняю, мир вижу... Какой там мир! Мир – это когда меня в Стамбуле всякая погань за груди щиплет, пока я торгуюсь?! Как лошадь тюки на себе таскаю, килограммы выкупаю, только и дрожу, как бы первая встречная мразь не обчистила? В Эмиратах раз двадцать была, а в Персидском заливе ни разу не искупалась! Целый день бегай, ищи товар. Найдешь – твое счастье, а нет – соси лапу. Беру тогда все, что попадается, чтобы дорогу окупить. Только и мечтаю о том времени, когда все это кончится. Да вот пока не получается... Но ничего, может быть...» – на этом месте Лена оборвала свой рассказ, натянуто засмеялась и перешла на другую тему.

И вообще она в этот день очень много болтала, предупреждая расспросы, откупаясь от них молниеносными подарками, которыми была набита ее сумка, – помада, дезодорант, брелок для ключей с буквой «М», какой-то туристический проспект – «посмотри, как люди живут», пена для ванны в черном шершавом флаконе, похожем на бульжник... Лена смеялась, расспрашивала про Сергея, про семинар «маньячной психотерапии», как она его перекрестила, про то, какой тут корт, какие мужики и как Марина хорошо подстриглась... И постепенно у Марины возникло ощущение, что за болтовней Лена отчаянно пытается скрыть сжигающий ее страх... А страх был во всем – в слишком резких движениях, в напряженно приподнятых плечах, в ее невнимательных вопросах... Она болтала, не слишком следя за смыслом своих слов, и в то же время словно прислушивалась, приглядывалась, словно проверяя, в безопасности ли она... Тогда Марина подумала, что та, наверное, просто перевозбуждена после поездки или разругалась с очередным любовником. Но теперь, когда у нее перед глазами все еще стояла та картина, которую она увидела на террасе под фонарем, пробившись сквозь толпу, она была уверена, что все это было проявлениями страха. Снова и снова вспоминала лицо сестры, все больше убеждаясь в этом, и, уже засыпая, как будто слышала голос, повторяющий со странным выражением: «Но я выберусь, обязательно выберусь...» Рыжие волосы упали ей на глаза, Лена трясла головой и никак не могла откинуть челку, залепившую лицо, и повторяла какие-то слова, смысл которых Марина не могла понять...

Утром Марина проснулась поздно, с невыносимой головной болью. Она полежала с открытыми глазами, глядя на небо, видневшееся в окне. Погода явно испортилась. «Тем более надо уезжать», – подумала вяло. И тут она услышала шум в соседнем номере. Там ходили, чем-то стучали, разговаривали. Марина вскочила, натянула свитер и юбку и, как была, неумытая и непричесанная, вышла в коридор. Дверь соседнего номера была приоткрыта, виднелся угол красного дивана, такого же, как у нее в номере, на диване были разбросаны какие-то тряпки. Марина постучалась больше для порядка и, не получив ответа, открыла дверь и вошла.

Она сразу узнала администратора. Другого человека она не знала, но смутно догадалась, что он, должно быть, из милиции.

– Почему посторонние? – начал было тот, второй, но администратор негромко заметил на это:

– Ее сестра.

Тот кивнул, и Марине предложили сесть. Но она осталась стоять, не решаясь присесть на заваленный вещами диван.

– Вы – сестра Малаховой? – полуутвердительно спросил ее второй мужчина. После чего представился. – Ваша сестра приехала сюда позавчера, двадцать второго августа? – продолжал он.

Марина подтвердила.

– А с какой целью? – спросил он. – Разве она имела отношение к семинару?

– Нет, Лена хотела отдохнуть...

– Она только что вернулась из Эмиратов? – не унимался тот, и Марина сразу сообразила, что сама рассказала это вчера администратору. Она кивнула, тут же почувствовав головокружение. Только теперь она обратила внимание, что уже далеко за полдень. Ей невыносимо хотелось выпить воды, во рту была похмельная гадость, и ей казалось унижительным стоять перед этим человеком непричесанной и ненакрашенной, отвечать на вопросы.

– Да, она вернулась из шоп-тура, привезла товар... Она ведь этим жила, – ответила Марина. – Говорила, что вымоталась и хочет провести несколько дней на природе. А что?

– Значит, хотела отдохнуть, – так же равнодушно подытожил тот. – Ну а о том, что она устала от жизни, о самоубийстве не говорила?

– Нет, что вы... Надо знать Лену. – Марина почувствовала слабость и присела на край дивана. Только теперь она заметила, что администратор вышел.

– Вскрытие показало смерть в результате остановки сердца после переохлаждения. У вашей сестры была аритмия, вы знали об этом?

– Конечно, – кивнула Марина. – Все об этом знали.

– То, что она отправилась купаться поздно вечером, разгоряченная после целого дня на корте, не подумав о сердце, вам не показалось странным?

– Нет, этот поступок как раз ее характеризует...

– Ну что ж, – заметил тот наконец. – Записки она не оставила, из комнаты, насколько можно судить, ничего ценного не пропало... Как на ваш взгляд?

Марина кивнула. Она давно уже заметила бриллиантовые часики Лены, мирно лежащие на столе, два ее золотых колечка, тоже с бриллиантами, в пустом стакане для воды.

– А этот кавардак? – только и спросила она.

– В номере был беспорядок, но не настолько, чтобы бросаться в глаза. Это уж мы постарались. Значит, все в порядке?

– Если можно так выразиться... – медленно проговорила Марина.

Мужчина вопросительно взглянул на нее.

– Она все же мертва.

– Еще вопрос, – как будто припомнил он. – Малахова – ее вторая фамилия, насколько я понимаю?

– Да, ее девичья фамилия – Еремеева. Но они с мужем давно разведены.

– Дети?

– Нет, детей не было. Они и прожили-то вместе около года.

– Значит, единственной прямой наследницей являетесь вы?

– Я об этом не думала... – растерянно протянула Марина. – Но наверное, я. Больше у нее никого не было. Мне, наверное, надо будет куда-то сходить по этому поводу?

– Потом сходите к нотариусу.

Они говорили мирно, по-деловому. Вовсе не так Марина представляла себе объяснение с милицией.

– Кстати, когда вы собираетесь вернуться в Москву?

– Сегодня же. Ведь надо будет ее хоронить...

– Возьмете справку в морге, вот адрес. Это в Митине.

– Когда ее можно будет забрать? – севшим голосом спросила Марина, теребя бумажку в пальцах.

– Завтра приезжайте. Что ж, тогда все. Вещи можете увозить.

– Скажите, – решила вдруг Марина. – Вы здесь потому, что вам что-то показалось подозрительным?

– Любая внезапная смерть подозрительна, – заметил тот. – Обстоятельства такой смерти обязательно выясняются, даже если она произошла в результате естественных причин.

– Да, аритмия... – Марина встала. – Я могу забрать вещи?

– Как угодно. Мне надо ехать.

Он попрощался и вышел. Марина в растерянности смотрела на груды вещей, наваленных на диване. «Как я это увезу? – мелькнула мысль. – Надо срочно позвонить Сергею».

В комнату так же незаметно, как вышел, вернулся администратор.

– Так вы уезжаете? – спросил он.

– Да, мне надо собраться. Ума не приложу, как это увезти. Мне надо позвонить в Москву.

– Позвоните от портье.

Администратор сочувственно взглянул на нее.

– Да, несчастный случай. Могу сказать, что вам сравнительно повезло, никаких осложнений. Я знавал такие случаи, когда могли и по прокуратурам затаскать...

Марина не взглянула на него. Она взяла в руки розовый свитер, валявшийся на диване и встряхнула его, расправляя.

– Хуже нет, когда не все ясно, – продолжал администратор. – А сейчас тем более. Ведь за иголку убивают, не то что за квартиру...

Марина вспыхнула:

– О чем вы?

– Извините, но я без всякой задней мысли. Все могло обернуться куда хуже. Что ж, не буду вам мешать.

Он прикрыл за собой дверь.

Марина застыла с розовым свитером в руках. «Он как будто поздравлял, что я ловко выпуталась, – подумал она. – Милиционеру было явно наплевать, он хотел скорее уехать. А этот как будто на что-то намекал. Господи, что за люди такие... А сама ты что за человек? – тут же возразила она себе. – Почему ты смолчала? Почему ничего не сказала о том человеке в соседнем номере? Хотела, чтобы все гладко сошло? А, знаю я нашу милицию... Лена мне сколько раз говорила: что бы ни было, пусть тебя хоть убивают, но не связывайся с милицией, дорожке обойдется. Если бы я сказала – то что? Я, дескать, слышала, как моя сестра шумела одновременно в двух местах. Чего быть не могло, потому разберитесь, пожалуйста... Нет, я сойду с ума. Портье сказал, что пошел на корт сразу после ужина. Ну, добавим еще минут десять. Лена стучала мячом. Потом стук должен был прекратиться – она побежала купаться. Тот, кто открыл номер, открыл его еще при стуке мяча, значит, в самом конце ужина, никак не позже. Открыл своим ключом, потому что, пока она стучала, то есть была на корте, ключ у нее он забрать не мог. Он мог позже, когда она вошла в воду и оставила одежду на берегу... Но тогда мяча уже не было слышно! Нет, я точно сойду с ума! Расскажи-ка такое кому-нибудь!»

Марина в смятении опустила на диван, прямо на вещи. На столе лежали сигареты Лены, она курила только ментоловые. Марина выудила сигарету из помятой пачки.

«А я... Я не помню точно, когда прекратился стук. Кажется, вскоре после ужина. Через десять минут? Нет, кажется, позднее. Надо было еще раз спросить портье. Я ведь не смотрела на часы и не слишком-то прислушивалась. Помню, что еще отметила, как глупо играть в темноте... Значит, было темно. А темнеет сейчас, кажется, в девять, а после ужина, в начале девятого, только-только начинают сгущаться сумерки... Но портье именно про то время сказал: „Совсем стемнело“. Да, но ему за шестьдесят, и зрение у него слабее. Лена видела в темноте как кошка. Уж белый мячик точно видела. А мне, когда я глядела из освещенной комнаты, могло показаться, что на улице темнее, чем на самом деле...»

Марина встала и принялась за дело. Она брала с дивана одну вещь за другой, встряхивала, рассматривала на свет, аккуратно складывала в сумку. Кофточка из жатого крепдешина, очень смелая, она такую ни за что бы не посмела надеть. Белые, не очень чистые шорты. Бюстгальтер. Короткое платье из серого плюша... Застежка янтарного цвета выскользнула у нее из рук и разбилась на полу. «А ведь все это достанется мне, – подумала она и горько усмехнулась. – Может, и прав администратор. Я бы не смогла потратить на себя столько денег. А может, стоило». И она задумалась о Сергее.

Нет, нельзя было сказать, что у них в последнее время что-то разладилось... Все шло как обычно, без бурь, без страстей... Но они слишком привыкли друг к другу, перестали друг друга интересоваться... Лена никогда не понимала смысла таких отношений. «Ну скажи, – часто язвила она при встрече с сестрой. – Ты замужем, вот вы живете вместе столько лет... Восемь? И что? Ты счастлива? Да это просто малодушие, привычка! Вот ты ничего себе не позволяешь, пашете, копите... Ну а дальше? Послушай – я никому не обязана отчитываться, что заработаю – мое, что потеряю – да хоть в карты проиграю, – никому отчета не дам! А любовь – сколько угодно... А почувствую, что лучшее кончается, он уже не смотрит на меня как раньше, не сходит с ума, – рву разом! И никаких!»

Марина закончила складывать вещи и перешла к письменному столу. Косметичка, автобусный билет до пансионата, ножнички, пилка для ногтей, початый флакончик «Тендр Пуазон»... Марина отвинтила колпачок и вдохнула нежный запах. Прикрыв глаза, почти не сознавая, что делает, она надушила шею осторожными прикосновениями пальцев. Вокруг нее сразу распространилось облачко волнующего аромата. «И это достанется мне», – подумала она и поставила флакон на место.

И тут она вздрогнула так, как будто кто-то ее внезапно окликнул. На корте, прямо за окном, раздавался мерный стук мяча. Она подскочила к окну и распахнула его. Высунулась как можно дальше, но увидела только угол корта. Пустой. Стук раздавался в другом конце, где кто-то бил мячом о высокую дощатую стенку – отработывал удар, как отработывала его Лена. Марина, как ни высовывалась, никого увидеть не смогла. Ясно было только, что тот человек на корте один. Она торопливо заперла дверь, едва не оставила открытой и свою собственную и бегом припустила по лестнице, выходящей на лужайку. «Лена нашла бы себе партнера, если бы объявился хоть самый никудышный... – торопливо соображала она на бегу. – Но никого не отыскала. Врачи на семинаре, а среди отдыхающих желающего не нашлось...»

На последних ступеньках Марина едва не свернула себе шею, отпустив на миг перила. Она пулей вылетела на лужайку и помчалась к корту. Подбегая все ближе, вглядываясь сквозь проволочную сетку, она отказалась поверить своим глазам. Корт был пуст! Больше того, заперт на большой висячий замок, видимо, еще со вчерашнего вечера... Однако она ясно слышала стук мяча о дощатую стену, тот характерный стук, который ни с чем невозможно перепутать! И сейчас, когда она стояла так, глядя на совершенно пустой корт, стук не утихал ни на минуту. Ей в голову пришла догадка, простая и поразительная. Обойдя корт вдоль ограды, она осторожно заглянула за ту его сторону, которую скрывала дощатая стена. Девочка лет девяти, в большом, не по ней, свитере, бегала взад-вперед с обратной стороны стены, швыряя в нее бурый потрепанный теннисный мяч и пытаясь ловить его на лету. Иногда ей это удавалось, а иногда мяч шлепался в траву, и тогда она мчалась поднимать его и опять швыряла в гудящие от ударов доски...

Девочка так увлеклась игрой, что Марину заметила не сразу. А та стояла и смотрела, не решаясь ее окликнуть. Наконец мяч покотился по траве прямо к ногам Марины, и она остановила его носком туфли. Девочка бросилась было за мячом, но тут же в смущении остановилась.

– На, возьми. – Марина подняла мяч и протянула его девочке.

Девочка застенчиво дернула плечиком и шагнула вперед. Передавая мяч, Марина на миг ощутила, какие холодные и мокрые у нее пальчики.

– Ты что же, играешь тут одна? – спросила Марина.

Девочка кивнула. Она не решалась ни продолжить игру, ни убежать. Стояла навытяжку перед Мариной, словно ожидая, что ее будут ругать.

– А почему ты не пойдешь на корт?

– Ракетки нет, – пояснила девочка неожиданно хриплым голосом. Она шмыгнула носом и сжала мяч грязными пальцами. – А на корт меня все равно не пустят. Он только для взрослых.

– Кто тебе сказал?

– Тетя вчера сказала.

– Какая тетя?

– На корте весь день играла. По-настоящему, с ракеткой. Я пришла, а она меня не пустила. Тогда я стала отсюда кидать, а она выбежала и отругала, что я ей мешала. А я здесь до нее всегда играла. Правда, с этой стороны...

– А вчера? – допытывалась Марина. – Вчера ты, значит, не играла?

– Только потом...

– Когда потом?! – Марина чуть не выкрикнула эти слова, девочка даже отшатнулась.

– Потом... Когда она ушла... За ней сторож пришел, велел отдать ключ. Он запер корт, а она пошла купаться. Тогда я стала играть. Правда, темно было, плохо видно. Он ведь у меня не белый...

Девочка продемонстрировала потрепанный мяч.

– Постой... – Марина едва удержалась, чтобы не схватить девочку за руку и не притянуть к себе. Девочка держалась настороженно, видно было, что в любой момент она готова убежать. – Значит, когда та тетя пошла купаться, ты сразу стала играть?

– Ну да.

– И что, долго ты играла?

Девочка явно стала в тупик перед таким вопросом.

– Ну, полчаса? Сорок минут? – допытывалась Марина.

– Я не знаю, – почти в отчаянии сказала девочка. – Играла, пока не стало темно.

– Значит, часов до девяти?

– Я не знаю... – совсем уже упавшим голосом ответила девочка.

Марина едва держалась на ногах. Только сейчас она заметила, что опять дрожит нервной дрожью, как вчера.

– Но послушай, раз ты долго тут играла, то, наверное, видела, вернулась та тетя в дом или нет?

– Нет, – решительно ответила девочка. – Она купалась. Она разделась там, у лесенки, спустилась в воду и уплыла... Вода, наверное, была холодная, она еще взвизгнула несколько раз.

– Взвизгнула?

– Ну, как обычно визжат... Взвизгнула, окунулась и уплыла.

– А ты все время стучала?

– Ну да. Пока мама не пришла. Точно, она сказала, что уже девять часов и она мне всыплет...

– Значит, ты играла. Ну а на берег ты больше не смотрела? Ничего там не заметила?

– Ничего. Да темно уже было.

– И когда ты ушла, тетя еще купалась?

– Да, она ведь уплыла...

– А больше никого не видела? Никто не ходил через лужайку?

– Я за мячом смотрела...

Поняв, что из девочки больше ничего не выжмешь, Марина пошла прочь от корта. Внезапно ей в голову пришла мысль, что она до сих пор не побывала на берегу, на том месте, где Лена оставила свою одежду. Она направилась к речке.

Напрасно предприняла она этот осмотр – он ей ничего не дал. Маленький пляжик, засыпанный желтым песком, был сплошь истоптан со вчерашнего вечера, валялись окурки, были видны следы колен, отпечатанные на песке, – вот здесь, видимо в потемках, собирали ее одежду. А одежды то было – майка да шорты. Шорты, в кармане которых мирно лежал ключ. Она разделась на этом месте, положила одежду на песок, вошла в воду, взвизгнула несколько раз, окунулась и уплыла... Взвизгнула! «Пусть я плохо знала свою сестру, но в том, что Лена никогда бы не взвизгнула, окунаясь в воду. Да она и не окуналась сразу никогда. Сначала обольется водой из горсти, потом спустится осторожно, потихоньку... А потом окунется, молча. Но кому такое скажешь? Кому?»

Ниже по течению речка делала небольшой живописный изгиб и становилась немного больше. И все же это была безопасная мирная речка, в которой редко где нельзя было достать ногами дно... Марина в каком-то оцепенении стояла на берегу, глядя на струящуюся серую воду. Стук мяча утих. Она обернулась и посмотрела на корт. Девочка со всех ног бежала к зданию, там ее ожидала какая-то женщина. Да, ведь уже обед.

Марина попыталась собраться с мыслями. «Значит, в тот миг, когда в номер Лены кто-то вошел, та уже была в воде. На корте стучала девочка. Она никого не видела. Да и не могла увидеть! Ведь портье запер черный ход, и теперь войти в корпус можно было или через служебную лестницу, или с главного входа. А к речке ближе служебная лестница. Она находится с торца здания, и, чтобы пройти к ней, вовсе не обязательно пересекать лужайку и попадаться на глаза тому, кто, скажем, находится возле корта. Итак, у него была возможность достать ключ из кармана у Лены, когда она уже уплыла... Потом – бегом в здание, через служебный вход... Почему он знал, что второй, более удобный для него вход уже заперт? Сидел на берегу, следил, как портье взял у Лены ключ, как запер лестницу, как она побежала на берег? Может быть. А если бы и не знал, ведь там все равно была в то время девочка, и она бы его запомнила. Значит, не хотел попадаться ей на глаза и сразу пошел через служебный вход. От речки до корпуса – пять минут. По коридорам до номера – еще минут восемь... Открыл номер и оставался там еще минут пятнадцать. Что-то искал, во всяком случае, не часы и не бриллиантовые кольца. Вещи лежали в куче, обычный бабский беспорядок. А часики – как по струнке, а колечки – в стакане. Что же он все-таки искал? Нет, этого я все равно пока не пойму, – одернула она себя. – Давай-ка теперь подсчитай, сколько у него ушло времени. Не меньше чем полчаса. Я-то думала, что он спокойно там рылся, потому что слышал, как Лена лупит по мячу... Но теперь ясно, что он знал, кто производит те звуки, и мог только догадываться, не вошла ли Лена в коридор в тот миг, когда он роется в ее косметичке... Гарантий у него быть не могло. Да ведь ему еще надо было успеть вернуться и положить на место ключ...»

И вдруг она замерла. «А ведь я постоянно пытаюсь не думать о том, что случилось с Леной, – сказала она себе. – Я пытаюсь забыть о ней. Я, как и все, стараюсь поверить в простой „естественный“, как выразился милиционер, несчастный случай. Аритмия у меня получается сама по себе, а тот в номере – сам по себе. Вот почему получается полная бессмыслица. Нет, надо все связать, как это ни страшно.»

Она попыталась представить себе его действия шаг за шагом. «А почему я все время думаю, что это „он“? – спросила она себя и тут же ответила: – Да потому, что рядом с Леной всегда был „он“ – блондин, брюнет, высокий, коротышка, один, другой, третий... Нет, это мог быть только „он“. И вот он копается в ее вещах, прислушиваясь к каждому шороху. Что-то находит. Или не находит? Может быть, его вспугнули? Нет, ведь Лена не возвращалась, он мог рыться до победного конца. Потом вышел, запер дверь, а может быть, еще немного навел

порядок, чтобы не бросалось в глаза. Но раз он так себя вел, значит, не боялся возвращения Лены. Хотя гарантий у него не было...»

«Да были у него гарантии! – пронеслось у нее в мозгу. – Была полная гарантия того, что она не войдет больше в номер! Никуда он не торопился, никто его не вспугнул, потому что Лена уже была мертва. Это тебя обманул мяч, а он-то не обманывался. Она уже плыла вниз по течению, одежда лежала на берегу, и он мог спокойно возвратиться, положить ключ обратно, не боясь того, что хозяйка покажется из-за поворота реки... Девочка слышала, как Лена несколько раз взвизгнула... „Как обычно визжат“. Но для Лены это „обычно“ было совсем не обычно. Визг, плюх в воду... И „уплыла“. Когда же она умерла? Чтобы утонуть, достаточно хорошенько глотнуть воды и не подниматься на поверхность воды десять минут. А с ее сердцем – и того меньше. От неожиданности могла сразу захлебнуться. Он подержал ее под водой, пока не убедился, что она мертва. Потом слегка подтолкнул и пустил по течению. Может, еще немного проводил по берегу, следя за тем, чтобы она раньше времени не зацепилась за что-нибудь. Где же он ее поджидал? И кто это был, в конце концов?»

Марина еще раз окинула взглядом берег. Да, следы, окурки. Будь здесь вместо нее Шерлок Холмс, он уже наверняка сообщил бы все приметы преступника, вплоть до родимых пятен. Но она-то что в этом понимает? А может быть, и Холмс спасовал бы перед таким вот пляжиком, на котором словно рылось стадо свиней. Да и вряд ли тот стоял здесь на открытом месте, когда ждал Лену. Наверняка караулил где-то в кустах. Кто же это мог быть? Кто-то из пансионата? Почти исключено. Она никого не знала среди врачей, да и отдыхающие к ней никакого интереса не проявили. Значит, он, кто бы это ни был, приехал из Москвы. Знала ли его Лена? Нельзя утверждать. Но ясно одно: она чего-то или кого-то боялась. Затем и приехала сюда, в этот никому не ведомый пансионат, чтобы убежать от опасности. «На три – четыре дня...» – сказала она. Что изменилось бы за три-четыре дня? Может, она надеялась переждать здесь какую-то опасность... Неужели не думала, что и здесь ее могут найти, раз уже дело зашло так далеко, что понадобилось скрываться? А чтобы ее найти, надо было знать, что у нее есть сестра и что сестра сейчас за городом, на семинаре... Ну, что есть сестра, мог знать любой ее знакомый, не скрывала же она существование своих родственников. А вот то, что Марина находилась на семинаре, знали всего несколько человек. Допустить возможность, что тот общался с ее товарищами по работе, Марина не могла. А от кого сама Лена узнала о семинаре? От Сергея. Срочно надо звонить Сергею, потребовать, чтобы приехал и забрал ее отсюда! Срочно выяснить, не говорил ли он кому-то, что Лена отправилась следом за ней.

Марина вернулась в корпус через главный вход. Портье сменился, теперь на месте вчерашнего сидел мужчина лет сорока, который едва взглянул на нее, и Марина с запоздалой досадой вспомнила о том, что весь день бегаёт растрепой. «Ну и пусть, – со злобой подумала она. – Все равно я сюда больше ни ногой». Она попросила дать поговорить по московскому аппарату.

Сергей был дома, и новость его ошеломила.

– Лена? Утонула? – Его голос куда-то пропал, и Марина несколько раз безуспешно крикнула «алло». Портье взглянул на нее поверх журнала, который он листал.

– Алло, ты меня слышишь? Да, утонула. Вчера вечером.

– Это невероятно, – сказал наконец Сергей. – Я два дня назад с ней разговаривал...

– И ты думаешь, это обезопасило ее?! – неожиданно сорвалась Марина. Она не в силах была выслушивать банальные соболезнования, за которыми скрывалось или равнодушие, или совсем не те чувства, которые соболезновавший хотел продемонстрировать. А какие чувства мог при этом испытывать Сергей, она могла догадываться. До того как они с Сергеем поженились, он даже не думал скрывать своих нежных чувств к ее младшей, и, несомненно, более эффективной сестре. Однако и Лена тогда не скрывала своего пренебрежительного отношения к Сергею. Вспоминать об этом идиотском времени никто не любил, но иногда, вспоминалось само собой.

В трубке нависло оскорбленное молчание.

– Извини, – отрывисто сказала Марина. – Я сама не своя. Приезжай, да, сейчас же. Слышишь, как можно скорее.

Она поднялась в номер. Там наконец умылась, привела себя в порядок и в сердцах накрасилась. Обед кончился, и ей пришлось ограничиться кофе и пирожными в буфете. Ополовиненная бутылка бананового ликера стояла у нее в номере, но она твердо решила к ней не притрагиваться. Она простилась с руководителями семинара, дала свой адрес нескольким новым друзьям, прекрасно зная, что никогда в жизни их больше не увидит. Не такой уж она редкий специалист в своем деле, и вряд ли ей еще выпадет такая удача, как этот семинар. Выпала раз в жизни, и вот...

Сдала номер, спустилась вниз. За ней шел портье, неся сумки – ее и Лены. Потом она стояла на террасе, глядя на подъездную дорогу. За ее спиной в холле шумели голоса – на перекур вышли врачи из конференц-зала. «Точно как в тот день, когда приехала Лена, – подумалось ей. – Только теперь я стою здесь с сумками». Она увидела, как из-за сосен на дороге показался знакомый «Москвич» цвета бордо-металлик, и она зачем-то подняла руку и помахала.

Глава 2

– Может, расскажешь, что было с Леной? – спросил ее Сергей, вырубивая с подъездной дороги на трассу.

– Что значит – было? Что ты имеешь в виду? – устало спросила она, откинув голову на спинку сиденья. – Где у тебя сигареты?

Сергей оттопырил правый локоть, приглашая Марину залезть в карман куртки. Она достала «Кэмел», закурила и стала смотреть в окно.

– Я имел в виду то, что она после своего возвращения из Эмиратов была сама не своя. Ты представляешь, как она говорила со мной по телефону? «Это я». Молчание. Я ее, конечно, узнал. «Лена, ты?» – говорю. А она вдруг бросила трубку. Через полчаса снова звонок. «Это я. Марина уехала, что ли?» Я уточняю: «В Ватутинки, на семинар». Там опять молчание, хорошо, хоть трубку не бросила. Потом попросила сказать, как туда добраться. Она, дескать, устала и хочет отдохнуть. Не знаю, может быть, она действительно устала, но нервы у нее ни к черту не годились. Я подумал, что она мечтает там подлечиться. Она говорила так, знаешь... Ну как будто сэкономила на каждом слове, боялась сама себя... То и дело замолкала, как будто пыталась что-то услышать помимо разговора.

– Вот-вот, – подтвердила Марина. – Именно так она и со мной разговаривала. Несла чепуху, вертелась из стороны в сторону и в то же время словно прислушивалась.

– Но она тебе ничего не объяснила?

– Да нет же. Лучше вот что скажи. Ты кому-нибудь говорил, что Лена поехала ко мне?

– Да кому я мог говорить? У нас не было общих знакомых.

– Может быть, кто-то позвонил тебе и спросил, где она?

– Никто не звонил. Да в чем, в конце концов, дело?

И она рассказала ему все. Только теперь поняла, как ей хотелось с кем-то поделиться своими соображениями. Сергей выслушал молча, с непроницаемым выражением лица, и только тогда, когда речь зашла о ее разговоре с милиционером, оживился.

– Ты совершенно правильно сделала, что ничего не сказала! – воскликнул он. – Малости довольно, чтобы заварилась каша. Не хватало еще этим заниматься. А то, что он приехал, это формальность. Так что не беспокойся.

– Это ты, кажется, беспокоишься. Все-таки, может, лучше было все рассказать. Не я же ее утопила.

Марина впервые сказала это слово вслух, и только теперь, когда оно прозвучало, поняла, какой ужас испытывала эти последние часы.

– Нет, ты с ума сошла! – Сергей резко крутанул руль вправо, едва не выскочив за полосу асфальта. – Уверена, что из номера ничего не пропало?

– Для этого надо знать все до мелочей. Я знаю только то, что золото он оставил.

Марина достала косметичку, куда положила драгоценности. На солнце ослепительно сверкнул изящный золотой браслет швейцарских часов с бриллиантами вокруг циферблата. Лена привезла их год назад из Абу-Даби и страшно ими гордилась.

– Целое состояние! – свистнул Сергей. – Бриллианты?

– Она говорила, мелкие сколки. Впечатляет?

– Да уж. Оставь себе.

– Я не решусь надеть.

– А деньги?

– В кошельке у нее было немного...

– А ты думала, во что обойдутся похороны?! Ну, это, наверное, не последние ее деньги.

– Все нет. Она ведь только что вернулась, а я знаю, сразу после поездки у нее всегда было туго с наличными деньгами. Ведь она все до последнего доллара вкладывала в товар.

– Какой товар?

– Она говорила – помада, дезодорант. Надо будет посмотреть у нее в квартире.

– Барахло, – поморщился Сергей. – Чем мы расплатимся за место на кладбище, за рытье могилы? Помадой?

– Она ее сдавала в киоски. Знаешь, в эти, в центре. Но я не знаю куда.

– Надо будет найти у нее накладные, – предложил Сергей. – Вообще надо поскорее наведаться к ней на квартиру. Ключи у тебя?

– Да, ключи были в косметичке.

– Ну, так поедем прямо к ней. – Сергей продолжал развивать свою мысль: – Деньги понадобятся уже завтра. Помада нам пока как мертвому припарка, извини за каламбур. Сколько, ты думаешь, мы за нее получим?

– Да откуда я знаю? Кажется, на похороны придется занимать.

– Еще эта напасть... – вздохнул Сергей. – А уж набегут, наверное, на поминки со всех сторон.

– Ну, всех-то звать не обязательно, – заметила Марина. – И ты прав, надо взять у нее в квартире накладные, по которым она сдавала косметику в киоски, и попытаться по ним что-то получить. А потом... Знаешь, мне тоже не терпится взглянуть на ее квартиру. А вдруг тот тип там побывал? Вдруг там уже ничего не осталось?

– Ну, судя по его презрению, которое он проявил к бриллиантам, это натура благородная.

– Твой юмор неуместен. – Марина, однако, едва не улыбнулась. Все же нет ничего лучше, чем его спокойствие, которое помогает ей в такие минуты, когда хочется волком выть. Он способен шутить даже над собственной смертью. Иногда это шокирует, а иногда, как ни странно, утешает.

Она смотрела, как в окне потянулись однообразные улицы окраин.

– Мешкать нечего. Завтра, когда мы ее заберем из морга, нам уже не успеть ничего. Странно, однако, что ее так быстро собираются выдать. Обычно выдают только на третий день.

– Ты забываешь, что еще недавно этот пансионат имел непосредственное отношение к правительству, – мрачно заметила Марина. – Правда, не к самым верхам, там отдыхала публика помельче. Но все равно он находился на особом обеспечении. В том числе и медицинском. Видел бы ты тамошние кабинеты... Я-то, правда, не успела воспользоваться никакими привилегиями...

– И прекрасно, что не успела, – заверил ее Сергей. – Лучше жить без всяких привилегий, чем умереть по высшему разряду. Хотя Лена, возможно, с этим утверждением не согласилась бы.

– Опять ты шутишь...

– Правда, шутки в сторону. Куда мы ее привезем? Не к нам же?

– Повезем к ней. Надо будет кого-то позвать на помощь, я уж ничего не помню, как что делается. Маму так давно хоронили... И, признаться, я покойников побаиваюсь.

– А еще врач!

После сорока минут блужданий по улицам они выехали на один из окраинных проспектов, где жила Лена. Сергей осторожно зарулил во двор и подъехал к указанному Мариной подъезду. Они вытащили из машины сумку Лены, заперли дверцу и поднялись на лифте на шестой этаж. Марина отперла дверь, поймав себя на мысли, что ожидает увидеть что-то страшное.

Но страшного ничего они не увидели, если не считать беспорядка, из-за которого Марина не сразу узнала квартиру сестры. В единственной комнате все было перевернуто, словно по ней прошел тайфун. Причем тайфун этот явно руководствовался задачей выбросить все вещи из предназначенных для них мест и свалить их в одну кучу посреди комнаты.

Вещи были выброшены из шкафа и разбросаны на полу, с дивана содрано покрывало, на полочках с кассетами и лазерными дисками полный разгром – все пластиковые футляры раскрыты, кассеты и диски валялись кучей под столом, бумажные вкладыши скомканы и измяты до неузнаваемости. Ящики стола выдвинуты и опустошены, а один, где Лена держала швейные принадлежности, валялся на полу, и все его содержимое было рассыпано по углам. Немногие книги – все больше детективы, которые читала Лена, тоже были сброшены с полки и сверху красиво запорошены сотнями глянцевых цветных фотографий, представляющих Лену в разных видах: Лена в шубке, Лена в купальнике, Лена в Италии, Лена в Анталии... Даже любимый старый плакат Лены с Микки Рурком и Ким Бессинджер был наполовину отодран от стены и висел теперь, скрутившись так, что виден был только лоб Микки Рурка и один сощуренный глаз Ким.

– Славно, – сказал наконец Сергей. – Наверно, сейчас из кухни выскочат сорок разбойников и поставят нас перед вечным вопросом: «Жизнь или кошелек». Но мой, к примеру, пуст. Он ушел на кухню.

– Мне хочется чего-то хлебнуть, – крикнул он оттуда. – Тут есть виски. Ты как на этот счет?

– Много не хлебай, ты за рулем... – вяло откликнулась Марина и вспомнила, что бутылку ликера забыла в номере.

– Если отравлено, я не виноват. – Сергей вынес из кухни два бокала.

– Помолчи, прошу тебя. – Марина опустила на диван и с наслаждением сбросила туфли. Она так устала, что перед ней все слегка поплыло, когда отпила из бокала. Еще сегодня утром она бродила по тому проклятому берегу, еще сегодня утром. А еще вчера вечером ни о чем даже не подозревала...

– Надо сказать, препаршивенькое наследство тебе досталось, моя милая. – По тону Сергея никогда нельзя было сказать, когда он начинает злиться, и Марина часто пропускала этот момент. Вот и сейчас он точно был уже пропущен. – Я не уверен, что после похорон мне будет на что похоронить даже свою любимую канарейку...

– Я сказала тебе – замолчи!.. – Неожиданно для себя Марина швырнула в мужа наполовину пустым бокалом. Бокал разбился на полу, а брюки Сергея окатила изрядная доза виски.

– Истеричка, – холодно заметил он. Марина заплакала. – Самой же стирать. Добро бы хахалю окатила, а то мужа.

Он вышел в ванную, а Марина заставила себя успокоиться, насколько это вообще было сейчас возможно. «Я веду себя хуже некуда, – подумала она, доставая пудреницу. – А я не хочу, не хочу его потерять. Пусть даже Лена была права, и лучшее позади. Пусть это малодушие.»

– Марина, соберись, – уже спокойно заговорил Сергей, входя в комнату. – Иначе не выдержишь завтрашнего дня. Кстати, ты, кажется, хотела найти накладные?

Та неуверенно осмотрелась.

– Где они могут быть, ума не приложу. А были, наверное, в столе.

– В столе ничего нет, как видишь. Скажи уж – на полу.

Марина пересилила себя и заставила свои ноги наступать на полу сброшенные туфли.

– Бумаги она держала в столе, и только там. Одежду, естественно, в шкафу, в серванте – посуду. Кассеты стояли вот здесь, на этих полочках, она их специально откуда-то привезла.

Марина указала на прозрачные пластиковые полочки, которыми была завешена вся стена над музыкальным центром.

– А что случилось с кассетами, можешь сказать? – Сергей поднял с пола раздавленный пластиковый футляр. – Какая обезьяна повывирала оттуда вкладыши и зачем?

– Может, что-то искали?

– В кассетах? Во вкладышах? Что там можно было спрятать? Деньги?

– Нет. Но листок бумаги – запросто. Я тоже лучшего места не смогла бы придумать.

– Вот и он, должно быть, так подумал. Только вот нашел ли, что искал...

– Если бы нашел, вряд ли поехал бы в пансионат.

– А откуда ты знаешь, куда он сначала поехал? Может быть, он сегодня утром раскидал тут все?

– Нет, на футлярах пыль. Она не осела бы за утро.

– Что бы я делал без женского глаза? – вздохнул Сергей. Он поставил в кассетоприемник первую попавшуюся кассету, и зазвучало начало «Леттитюд» Элтона Джона. – Сейчас мы с тобой занимаемся бесполезным делом, гадая, что он искал.

– А что тебе представляется полезным делом?

– Полезным делом мне представляется приведение в порядок этого мамаева побоища.

Они взялись за уборку. Марина поднимала с пола вещи, встряхивала их и укладывала в шкаф. Сергей поставил на полки книги, кассеты свалил в одну пустую коробку из-под телевизора. «Потом разберу», – заметил он. Туда же пошли и фотографии.

– А не может оказаться так, что на одной из них запечатлен убийца? – неожиданно спросил Сергей.

– Ты найди хоть одну, на которой был бы запечатлен кто-то, кроме самой Лены! Да она даже не подумала бы тратить лишний кадр на чью-то особу, кроме своей.

– Ну, может быть, и потратила бы, если бы была от кого-то без ума.

– Тогда это президент Франклин.

– Кто?!

– Ну, или Грант. Кто там у них на долларах?

Сергей замолчал. «Даже столько лет спустя я все еще пользуюсь любой возможностью очернить в его глазах Лену, – подумала Марина. – Даже теперь, когда она мертва».

– А вот и накладные. – Он поднял с пола целлулоидную желтую папку, в которой виднелись исписанные мелким почерком квитанции.

– Верно. – Марина заглянула через плечо. – Да, в корыстолюбии его точно не обвинишь.

– А какая ему корысть от чужих накладных? Он по ним все равно ничего не смог бы получить.

Марина достала из папки листки и стала рассматривать подписи и печати. – Вот эта – с Тверской, я даже знаю тот киоск, куда она все сдавала. Вот эта, судя по адресу, с Нового Арбата. А, вот телефон на обороте. Завтра им позвоню. Вот еще, оттуда же.

– Да тут товара на десятки тысяч! – воскликнул Сергей, проглядывая итоговые суммы внизу накладных.

– Она говорила, что у нее дорогой бизнес. Дорогая дорога, закупочная цена, большие расходы. Естественно, и прибыль должна быть соответственная. А то не окупится.

– Лена наверняка будет недовольна похоронами, которые мы сможем ей устроить, – заметил он. – Судя по размаху, они будут для нее недостаточно дорогими.

– Надо попробовать получить деньги поскорее. – Марина решила не обращать больше внимания на его шутки.

– А это что? – Сергей выдвинул из угла тяжелую коробку, прикрытую старыми газетами. – Тот самый товар?

Марина подошла и заглянула. В глаза ей бросились бежевые баллончики «Сикким» и картонные коробки с надпечатками. Она взяла в руки одну коробку, оказавшуюся неожиданно тяжелой, и открыла ее. Оттуда блеснули золотые картонные чехольчики помады. «Ив Сен-Лоран», – машинально заметила она. Достала одну, вытащила ее из коробочки, сняла бархатный футляр и вывинтила из золотого корпуса помаду розового цвета, сразу распространившую вокруг аромат весеннего сада.

– Шикарно, ничего не скажешь, – заметил Сергей. – Что ж, я начинаю верить в сокровища Али-Бабы.

– Знаешь, мне не хочется оставлять это здесь, – сказала Марина. – Здесь будет проходной двор. Лучше увезем все к нам. Потому что, если еще и квартиру обворуют...

– Правда, пусть уж лучше обворуют нашу квартиру. Хотя я не понимаю, какого вора ты боишься. Этот вел себя очень даже прилично.

– Еще бы, он просто душка. Он всего-навсего убил Лену!

– Почему ты так уверена, что он ее убил? Меня ты, во всяком случае, не убедила.

– Тебе мало этой истории с ключом?

– С ключом, с мячом... – раздраженно бросил Сергей. – Я верю только своим глазам и результатам вскрытия.

– Если бы ты видел тогда Лену...

– Я сказал бы то же самое. Без истерик! Все кончилось, пойми, кончилось! Что бы он ни искал, больше искать не будет. А если так – не надо больше о нем думать.

– Не надо?

– Не надо. Может быть, она сама устроила здесь этот бардак.

– Ну конечно. Не могла найти зубную щетку.

– Я прошу тебя, без истерик. Между прочим, половина двенадцатого. Если хочешь, выпей еще и успокойся. И давай-ка перетащим в машину коробку. И накладные возьми – пусть будут поближе.

Марина залпом допила виски, которое еще оставалось в ее бокале, и они вместе выволокли коробку из квартиры, заперли дверь, спустились на лифте вниз. Коробка едва поместилась в багажнике. Сергей сел за руль, Марина зажгла свет и разложила у себя на коленях карту дорог. Так, распутывая один узел улиц за другим, к часу ночи они добрались до дому.

А хлопот на другой день оказалось столько, что Марина совсем потеряла бы голову, если бы на помощь ей не пришла ее тетка, Ирина Алексеевна. Уж она-то о похоронах знала абсолютно все. Так случилось, что именно она когда-то помогла хоронить своего брата – отца тогда еще маленьких сестер, а потом, много лет спустя, – их мать. И вот теперь, заливаясь слезами и умудряясь при этом делать сразу кучу дел, пришла на помощь. Еще утром Сергей отправился на машине в морг, в сопровождении какого-то малоизвестного Марине родственника. Родственник, который божился, что знает Митино как свои пять пальцев, тут же заблудился, так что вернулись они оттуда только к вечеру – причем родственник к тому времени уже лыка не вязал. Ничего не ведая об их приключениях, женщины целый день приводили квартиру в порядок, то и дело ожидая, что зазвонит телефон. Но телефон молчал.

– Это что же, Мариночка? – От заплаканных глаз Ирины Алексеевны не ускользнули следы погрома, но то, что она увидела в ящике серванта, где она надеялась найти марганцовку, поразило ее наповал. В ящике действительно лежали медицинские принадлежности, но в таком ужасном виде, что тетка сразу перестала плакать. Правда, сами таблетки особенно ужасного впечатления не производили, потому что просто лежали в куче, но все тюбики, коробочки, бинты – все это было безжалостно развинчено, разорвано и размотано. С опаской глядя на эту остро пахнущую лекарствами кучу, перевитую бинтами, Ирина Алексеевна, видимо, уже отказалась от своей мечты о марганцовке. Марина тоже подошла взглянуть. «Точь-в-точь то же самое, что с кассетами, – подумала она. – Он явно искал что-то такое маленькое, чтобы оно уместилось в футляр от кассеты или в коробочку от но-шпы. А футляры от дисков? Что можно спрятать в футляр, куда и пальца-то не просунешь? Значит, это что-то должно быть еще и плоским. Деньги? Сколько денег можно спрятать таким образом? Даже в столларовых банкнотах? Листок бумаги? Записку? Расписку? А вот это очень даже вероятно».

Марганцовку они нашли в ванной, а вскоре явились и мужчины. От родственника к тому времени не то что попахивало – разило. Сергей был трезв – он был за рулем, но в кухне сразу же развел себе в стакане остатки вчерашнего виски. «Пропали бы мы, если бы не Ирина Алексе-

евна», – подумала Марина. Она делала все, что велела ей тетка, и даже без страха водила намыленной мочалкой по голому плечу Лены, в которой не оказалось ничего страшного. Она была похожа на большую сломанную куклу, с которой вдоволь наигрались дети. Бескровное усталое лицо, опущенные уголки рта... Когда Марина направила ей на волосы струю воды из душа, на дно ванны вместе с мыльной пеной потекли розовые струйки отмокшей крови и кусочки ила. От воды красные грубые шрамы на лбу, под грудью и в паху Лены стали багровыми, и Марина испугалась, что они разойдутся. Женщины вытерли Лену и с помощью мужчин уложили на диван. Затем они принялись за ее последний туалет. Одели Лену, высушили ей волосы феном, напудрили и подкрасили лицо. Наконец все было закончено. И тут зазвонил телефон.

Марина подняла трубку, не успев подумать, что она скажет звонящему.

– Лена? – В трубке раздавался женский голос. Марина успела еще удивиться тому, что голос принадлежит женщине.

– Это ее сестра. А кто ее спрашивает?

– Сестра? Простите, но мне надо поговорить с Леной. Она дома?

– Лена умерла.

В трубке охнули и замолчали. Потом голос прорезался, но теперь там говорили гораздо медленнее, словно собираясь с мыслями:

– Но когда... Как?

– Два дня назад. Она отдыхала за городом и утонула в реке.

– Она поехала за город? Но разве она не ездила в Эмираты?

– Ездила, – подтвердила Марина.

Только тут она обнаружила, что рядом стоит Сергей и слушает то, что она говорит. Он приподнял брови, словно спрашивая, кто звонит. Она махнула на него рукой.

– Алло, – сказали в трубке. – Но как же так... Ведь это просто странно. Она должна была привезти для меня товар. Я жду третий день, а она, оказывается, поехала отдыхать!

– Я ничего об этом не знаю, – сказала Марина. – О каком товаре вы говорите?

– Не будем по телефону, – заторопилась женщина. – Я позвоню позже. Но она что-то привезла?

– Полную коробку.

– Вот-вот! Я ее заберу!

– Как заберете?

– Ну не даром, понятное дело. Мы встретимся. Я вам позвоню. Надо же, какое несчастье...

И она повесила трубку. Марина постояла, раздумывая. Вот, началось.

Конечно, речь идет о коробке. На какую сумму там может быть товара? Что она в этом понимает? По какой цене та женщина заберет товар? И почему она не захотела уточнить, что именно в коробке? Впрочем, и Лена никогда не говорила по телефону напрямую о своем бизнесе – боялась. «Никогда не знаешь, кто тебя услышит», – заявляла она часто.

– Посидим на кухне, – вздохнула Ирина Алексеевна. – Мариночка, вы с Сергеем домой поедете?

– А как же? Не тут же ночевать, – заметила Марина.

– Все же нехорошо оставлять ее одну.

В этот миг снова зазвонил телефон.

– Алло?

Снова женщина. Марина начала думать, что совсем немного знала о своей сестре.

– Лена, ты? – быстро спросили в трубке, и тут Марина догадалась, что у них с сестрой по телефону очень похожи голоса. Ее «алло» приняли за «алло» Лены. И, сама себе удивляясь, она вдруг медленно ответила:

– Да, я... – «Что я делаю?!» – пронеслось у нее в голове, но тут же эта мысль исчезла, потому что в трубке раздавались вещи одна другой интереснее.

– Ну, так что ты решила с картошкой? – быстро, захлеб спрашивали там. Насчет картошки Марина никакого суждения не могла высказать, а потому предпочла слушать дальше. Голос продолжал: – Он торопит. Смотри не прогадай. Ты ведь говорила – на три недели? Десять дней уже прошло. Ты знаешь, с этим не шутят.

Голос вдруг замолк. Марина тоже молчала.

– Ну ладно, не маленькая, сама понимаешь, – сказали ей и повесили трубку.

Ничего она не понимала. Почему картошка – не шутки, что эта за три недели, из которых, оказывается, десять дней уже позади, и кто ее торопит?

У нее снова началась та мелкая холодная дрожь, которая накатывала на нее все эти дни. Телефон зазвонил снова.

На этот раз голос был мужской.

– Позовите, пожалуйста, Лену, – вежливо попросил он.

«Надо же, мужчина сразу узнал», – удивилась Марина.

– А кто ее спрашивает?

– Знакомый.

– Лена утонула, – сообщила Марина. – Два дня назад.

«А ведь никто не знает, что с ней случилось. Мы ведь никому из ее знакомых не сообщали, вот они и звонят».

Между тем в трубке происходило что-то странное. Там как будто что-то сказали, но так быстро, что Марина поняла только выраженную эмоцию. А эмоция была настолько крепкой, что она подумала, не одернуть ли ей незнакомца.

– С кем я говорю? – спросил наконец незнакомец.

– Это ее сестра.

– Вы в ее квартире?

– Да, как слышите.

– Одна?

– А зачем вам это знать? – встревожилась Марина. Голос ей нравился все меньше. Только тут она заметила, что Сергей опять стоит рядом и слушает.

– Если вы одна, уходите оттуда, – произнес эти слова, голос исчез.

Ее опять затрясло. «Когда же это кончится!»

– С кем ты говорила?

– Какой-то ее друг. – Марина не знала, стоит ли передавать мужу странное предупреждение. Ведь тот сказал: «Если одна». А она не одна. «Нет, не скажу, – решила она. – Голос вообще-то приятный, да и ничего плохого он мне не сказал. Даже предупредил. Если бы собирався убить, не стал бы предупреждать».

– Да ты что, пьяна? – Сергей с изумлением смотрел на нее. – О чем с тобой говорили?

– Про товар, про картошку и вообще про всякую чепуху.

– Как про картошку?

– Ну, насчет картошки я и сама не поняла, а товар, по-видимому, тот самый, из коробки. И у нас хотят его забрать.

– Плохо, что мы не знаем цен, – призадумался Сергей. – Слушай, а если посмотреть в киосках?

– Там ведь все уже с наценкой, и неизвестно с какой.

– А Лена тебе ничего не говорила, сколько может стоить такой дезодорант, как она привезла?

– Не знаешь Лену? Она бы умерла, а не сказала, где купила и почему.

Марина осеклась, вспомнив, что Лена лежит рядом мертвая. Правда, не из-за своего нежелания сообщить цену на товар. Хотя как знать?

Снова зазвонил телефон, и на этот раз Сергей опередил Марину и сам поднял трубку. Послушав первую фразу, он тут же передал трубку Марине.

– Лена? Лена? – в трубке захлебывался тот самый голос, который сообщил ей странные новости о картошке. – Лена?

Ничего не собираясь отвечать, Марина молча слушала голос. «Хватит на сегодня обманов», – подумала она.

– Лен, он хочет встретиться. Он хочет гарантий. Он захотел узнать, что ты привезла. Кажется, он беспокоится. – Марина не отвечала. Голос всполошился: – Да что с тобой?

Марина бросила трубку. Как ей хотелось оказаться отсюда за тридевять земель и не слышать больше этих голосов, ни женских, ни мужских. А особенно этого захлебывающегося.

Телефон немедленно зазвонил снова. Марина указала Сергею на трубку:

– Возьми и скажи, что Лена умерла.

Сергей поднял трубку, и Марина различила далекий голос, все так же взхлеб распрашивающий о чем-то мертвую Лену. Сергей выслушал все, что сказал ему странный голос, и произнес:

– Лена умерла два дня назад. Кто говорит?

В трубке раздался хорошо различимый вопль, потом все сразу смолкло. После чего голос произнес еще несколько фраз.

– С ее соседкой, – ответил Сергей, внимательно глядя при этом на Марину.

Марине стало одновременно и плохо и хорошо. Не придется теперь оправдываться за свое вранье – уже это хорошо. А плохо все то, что говорил этот голос. Голос этот, который ничем ей прямо не угрожал, но говорил все о непонятном и неприятном, напугал ее куда больше, чем мужской, который прямо ее предупредил: «Уходите отсюда».

Сергей положил трубку.

– Про товар мне ничего не сказали, – заметил он вскользь.

– А это было как раз про картошку, – криво улыбнулась Марина.

– Вот как? Странно, но про картошку мне даже не заикнулись. А заявили, что если я, то есть Лена, вздумаю кого-то там надуть, то могу проститься с самым дорогим. Что бы это могло быть?

– Для Лены – деньги, – мрачно заметила Марина. – А для тебя – не знаю. Во всяком случае, наверное, не я.

– Ну, раз ты так думаешь... А также меня спросили, с кем же они в таком случае говорили, если Лена умерла? Ты выдала себя за нее?

– Ну, особенно-то я и не старалась.

– Ты хоть понимаешь, во что можешь влипнуть? И о чем они говорили?

– Говорю тебе, про картошку. И еще о том, что кто-то хочет гарантий.

– Ну вот что, – сказал наконец Сергей. – Сейчас я отвезу родню по домам и вернусь. Я звонить не буду, и ты трубку не бери. Не нравится мне все это.

И только когда за ним закрылась дверь, Марина поняла, что нарушила завет незнакомца и осталась в квартире совсем одна.

Она не всерьез приняла его предупреждение, но теперь, когда вокруг нее воцарилась тишина, ей стало не по себе. Что же он все-таки имел в виду, так настойчиво советуя ей уйти? Неужели ей может грозить какая-то опасность? Почему? Откуда он это взял? Опасность грозила Лене, теперь она в этом не сомневалась. Но Лена, что ни говори, опасности больше не подвергается. Так неужели же ей, Марине, опасность досталась по наследству, так же, как одежда, квартира, товар в коробке и накладные? Так же, как эти звонки? Тот захлебывающийся голос...

Но какие претензии могут быть к ней? Что она знает? Ничего. Да, но кто-то может думать, что она, сестра покойницы, знает многое... Кто другой?

Тот, кто вошел тогда в номер Лены и был так близко, что она слышала производимый им шум. Если бы она тогда знала, что значит этот шум! Если бы она тогда связала, пусть ошибочно, звук мяча на корте с этими шагами и решила бы посмотреть, кто орудует в номере Лены! Решилась бы? А если бы она тогда знала, что Лена уже не стучит мячом на корте, а плывет вниз по течению с остановившимся сердцем, с глоткой, забитой илом?..

А может, теперь тот, другой, решит взяться за нее? Неужели она обладает теперь чем-то, что представляет для него какой-то интерес?

«Блондинка, – усмехнулась Марина, остановившись перед зеркалом. – Тридцать два года. Но это не основание, чтобы меня убивать».

А может, тот, кто звонил, просто хотел, чтобы она ушла, испугавшись его слов, и оставила квартиру в полное его распоряжение? Тогда это точно не убийца. Убийца здесь уже довольно нараспорожался.

Снова зазвонил телефон, и Марина замерла.

– Дура я, – сказала она вслух. – Что мне теперь делать?

Но все же, повинувшись какому-то неясному чувству, сняла трубку.

– А, это опять вы?

– Вы – сестра Лены? – спросил голос. – Я о вас когда-то слышал от нее. Я Володя.

Марина тут же вспомнила – был у Лены один такой Володя несколько месяцев назад. Кажется, весной они расстались. О, именно тогда Лена и выговаривала сестре, что та до сих пор тянет свою супружескую ляжку. Марина вспомнила ее лихие слова: «А я как только почувствую, что кончается самое лучшее, все, рву без всяких!» Значит, с Володей самое лучшее давно закончилось. Почему же он звонит?

– Да, я слыхала о вас, – сказала она в ответ. – Правда, давно.

– Верно, – смешался голос. – Мы, как бы сказать, были уже не в тех отношениях. Кажется, вас Марина зовут?

– Марина.

– Значит, еще не все забыл. Нам с вами срочно надо поговорить.

– Вот мы и говорим.

– Нет, не по телефону. Нам надо встретиться.

«И этот туда же», – поразила она.

– Вы сами понимаете, у меня столько хлопот, что это невозможно.

– Но необходимо!

– Я не могу ничего обещать. Если хотите встретиться, приходите на похороны.

– А вот на похороны я прийти не смогу. Уезжаю завтра. Я потому и звоню, чтобы увидеться с вами до отъезда. Ну а если подъеду сейчас?

– Исключено. Уйти я никуда не могу. И вообще, мне тоже сейчас надо ехать.

Она пожалела, что у нее вырвались эти слова. Кто бы ни был этот Володя, она вовсе не обязана сообщать ему о своих передвижениях.

Он помолчал.

– Вы уедете? Значит, в квартире никого не будет?

– Володя, вы задаете такие вопросы, что я могу подумать, будто вы собираетесь ограбить квартиру. В таком случае предупреждаю, что все уже украдено до вас.

Ее слова произвели поразительный эффект. Володя застонал.

– Я был прав! – вырвалось у него.

– Объяснитесь! – потребовала Марина.

– Не могу. Я только требую, чтобы вы нашли время увидеться со мной до моего отъезда. Больше я ничего сейчас не скажу. Вы там, надеюсь, не одна?

– Я здесь с мужем и с кучей родственников, – отрезала Марина.

– Ладно. Ну так что, вы никак не можете спуститься вниз через сорок минут?

– Ни через сорок, ни через пятьдесят. Мы сейчас уезжаем. А завтра меня ждет безумный день. Если это так важно, увидимся после вашего приезда на более спокойной территории.

– Ну что ж, я только надеюсь, что до того времени с вами ничего не случится.

– Я, представьте, тоже, – отрезала Марина. Голос в трубке исчез.

Она положила трубку и зашагала по комнате. Взглянув на Лену, прикрытую до подбородка простыней, торопливо вышла на кухню. «Так я скоро рехнусь, – подумала она, наливая себе кофе и закуривая сигарету. – Картошка, гарантии, товар, Володя... Хватит! Попробую для начала разобраться в том, что доступно моему пониманию в товаре. Моя задача – выяснить, сколько он может стоить, и не продешевить». Тут она припомнила, что Володя, судя по рассказам Лены, тоже ездил в Эмираты, только возил оттуда не косметику, а что-то другое... Вот он как раз мог бы случайно знать, сколько товар может стоить. Ведь Лена несколько раз ездила вместе с ним. Он вообще многое мог знать, этот Володя, и мог бы помочь, если бы не его страх перед телефоном. Ну ничего, если ему будет надо, он сам позвонит.

Она присидела на кухне около часа, каждую минуту ожидая, что зазвонит телефон или затрещит выламываемая дверь и на пороге предстанет таинственный Володя с разгадкой всех тайн. Однако телефон не зазвонил, и дверь не затрещала, а просто-напросто открылась, и вместо Володи появился Сергей.

– Ну что, звонил кто-нибудь? – прямо с порога спросил он.

– Нет, – соврала Марина. Почему-то свое общение с Володей она решила скрыть. Ей самой это показалось странным.

– Нет? – Сергей ей, кажется, не вполне поверил. – Послушай, а тот мужик, который тебе звонил, никак себя не назвал?

– Никак, что ты прицепился к этому мужику? Не ревнуешь? Меня больше волнует та баба, которая так захлебывается насчет картошки. Хотела бы я знать, что это за картошка. Может, она так условно называла что-то ценное? Или деньги? Я помню, Лена чего только не выдумывала для обозначения таких вещей по телефону. Однажды я услышала нечто в таком роде: «Восемь птичек, да нет, маленьких конечно...» Потом оказалось, что это восемь тысяч долларов наличными.

– Значит Лене говорили про деньги? Она взяла у кого-то в долг? Видимо, без гарантий... А потом тот, кто дал, забеспокоился... А она уже мертва!

Марина припомнила, что женщина говорила про срок в три недели. Десять дней уже прошло. Три дня как Лена мертва плюс поездка, плюс оформление путевки... Так и получается, десять дней назад она взяла деньги для поездки, обязалась вернуть через три недели, гарантий не дала. А тот мужик, наверное, все же захотел узнать, что она на его деньги привезла, беспокоился и велел узнать... А Лена уже не даст никаких гарантий. Не это ли имел в виду Володя, когда говорил об опасности? Может, теперь деньги потребуют с нее, с Марины? Да, скорее всего так и будет. Но сколько же Лена могла взять в долг? Если брала, значит, под проценты, надеялась привезти выгодный товар. А в пансионате говорила, что съездила так себе. Но, впрочем, словам Лены о ее бизнесе никогда нельзя было доверять, она никогда бы не призналась, что хорошо заработала, она всего боялась.

– Ты хоть понимаешь, в какую кашу мы можем влипнуть? – Он начинал горячиться. – Она наверняка оставила какую-то расписку, и, значит, кто-то явится по ней получить. А сколько они могут потребовать? Вот тебе и наследство!

Расписка... Не ее ли искал тот некто в номере и в квартире Лены? Нет, не может быть. Эта расписка у того, кто дал ей деньги, у Лены ее быть не могло. Вот если бы она сама ее искала у работодателя, тогда все стало бы на свои места. Нет, расписка сейчас мирно лежит где-то и ждет своего срока. Еще полторы недели... А впрочем, нет, уже не мирно, ведь та женщина знает,

что Лена умерла, и явно сообщит тому, кто так торопит с гарантиями. Теперь он поспешит получить свою долю наследства... Прав Сергей, паршивое у нее наследство.

– Ну что ты застыла? – Сергей окончательно вышел из себя. – Хоть бы знать сумму.

– Надо было спросить у той женщины, – вяло отреагировала Марина. Она чувствовала себя такой разбитой, что гневные слова Сергея на нее не действовали. – Сколько бы ни взяла Лена, она все вложила в товар. Если она брала в долг под проценты, то только непосредственно перед самой поездкой, и только тогда, когда была уверена, что прибыль окупит все расходы. Если взяла в долг, значит, была уверена, что отдаст. Значит, не думала, что придется продавать последнее, чтобы расплатиться. Так что ты напрасно беспокоишься. Деньги в товаре, насколько я знаю Лену. А товар у нас. И даже есть покупательница. Так что нам остается продать ей товар и отдать деньги той, другой. – «А с Володей я разберусь сама», – мельком подумала она.

– Твоими бы устами... – протянул Сергей. – Значит, все деньги в той коробке? Сколько там может быть?

– Вот это и надо узнать. Когда поедем, притормози у какого-нибудь киоска с парфюмерией, и мы посмотрим, сколько там стоят эти дезодоранты. Потом отнимем процентов пятьдесят и узнаем, почем она сдает. Хотя можно ошибиться!

– И тогда мы черта с два расплатимся с той бабой! А ведь еще похороны!

– Не бойся, внакладе не останешься! Продашь квартиру! – Марина швырнула на стол опустевшую пачку сигарет, так что та пролетела через весь стол и ударилась о стену. – Ну что, едем или нет?

«Я снова все порчу», – подумала она.

Она причесалась, подмазала губы. Собрав вещи, вышли из квартиры, оставив Лену одну, в тишине и темноте.

Только дома, в привычной обстановке, она поняла, как проголодалась. Сергей валился с ног, нервы и у него были на пределе. Марина заметила у него под глазами черные круги. «А сама я как выгляжу?» Чувствовала она себя так, будто целый день таскала камни.

Готовить что-то не было сил, она сделала гигантский омлет и открыла банку лечо.

Приняв душ, Марина улеглась в постель. Сергей тоже отправился в ванную, и, прислушиваясь из постели к звуку льющейся воды, Марина вдруг подумала, что они давно живут как в гостиничном номере на двоих, – соседи, которые неплохо уживаются вместе, привыкли и притерлись друг к другу и не обращают внимание на мелкие дразги. «Страсть, любовь, самое лучшее... Так, кажется, говорила Лена? Конечно, ей казалась жалкой моя жизнь с Сергеем. А с этим Володей у нее наверняка было то самое лучшее. Прошло, конечно, но все же было...»

Марина вздохнула и поглубже залезла под одеяло. Звук льющейся воды затих. И вдруг Марина вспомнила о коробке с товаром. Вчера они втащили ее и, не найдя лучшего места в их тесной квартирке, поставили в спальню. Она встала и босиком пробежала к коробке по холодному полу. Открыла ее и достала один из дезодорантов. На доньшке флакона увидела наклепленный ценник. На ценнике была напечатана какая-то непонятная цена. И рядом – закорючка, род валюты, догадалась Марина. Она перебрала другие баллончики. На некоторых тоже виднелся такой ценник.

«Сколько же это все-таки стоит?» Марина почувствовала, что у нее ум заходит за разум. И тут она вспомнила о проспекте, который ей подарила Лена еще в пансионате. Там могло быть что-то про валюту.

Когда Сергей вошел в спальню, Марина, уже сидя на кровати, всю листала найденный в сумочке проспект. На пятой странице, после описания гостиничных комплексов, местных красот и нравов, климата и расписания авиалиний, среди прочих полезных сведений о языке и народонаселении она нашла маленькую, в один абзац, информацию о соотношении валюты – дирхема к доллару. Информацию эту Марина с увлечением проглотила, после чего, прене-

брегая заверениями справочника, что валюту в Эмиратах можно обменять на каждом шагу, взялась за арифметические подсчеты.

– Готово! – сказала она наконец, все подсчитав. – Дезодоранты, судя по ценнику, достались ей примерно по доллару за штуку.

– Маринка, ты умница!

Сергей притянул ее и поцеловал. Марина выпустила из рук проспект, ответив на поцелуй, в общем-то случайный, за которым не стояло ничего, кроме одобрения. Однако вскоре Марина пожалела, что затеяла это: в самые пиковые минуты, принимая Сергея и чувствуя на шее его быстрые сухие поцелуи, перед ней попеременно вставало то лицо Лены, когда она лежала под фонарем на террасе. Потом она слышала какофонию голосов, из которой выделялся голос Володи, который обращался к ней, а не к мертвой сестре: «Я непременно должен вас увидеть...»

Кроме того, она переоценила свои возможности и чувствовала, что неотвратно засыпает. И когда она услышала далекий сдавленный стон Сергея, порадовалась тому, что все кончилось.

Отстранившись от нее, Сергей вытянулся на простыне. Марина лежала, глядя в потолок. «Да, это то самое, о чем говорила Лена. Соседи, просто соседи. Почему я раньше не думала об этом?»

Сергей вздохнул:

– Я совсем без сил.

Она услышала щелчок зажигалки, на нее пахнуло дымом.

Сергей подтянулся и сел в постели.

– Послушай, а ведь теперь, когда мы знаем стоимость дезодорантов, мы можем узнать, сколько она взяла в долг.

– Не забудь про помаду.

– Посмотри-ка, на ней ведь тоже могут быть ценники.

И верно, на одной из коробочек оказался ценник. Марина, уже почти во сне, подсчитала стоимость одной помады.

– Полтора доллара, – сказала она Сергею, когда он вернулся из ванной. – Все, на сегодня все расследования закончены.

– Но надо еще подсчитать, сколько все стоит вместе!

– Оставь меня в покое.

– Ладно, – согласился Сергей. – Ты права.

И он погасил свет.

Глава 3

На четвертый день все формальности были выполнены, Лена лежала на кладбище, справили скромные поминки, на которые собрались только родственники. За все это время, пока Марина находилась в квартире сестры, телефон зазвонил только раз. Звонила женщина, которая так настаивала на том, чтобы получить товар. Марина решила, что от нее не стоит скрывать, где находится коробка, и дала ей свой домашний телефон. На третий вечер женщина явилась к ним с деньгами. Она обревизовала коробку, заверила Марину, что это тот самый товар, который предназначался ей, и, к общему удовольствию, его забрала. Заплатила в валюте, и, по расчетам Марины, на сорок процентов больше той цены, в которую обошлась покупка товара в Эмиратах. На жульничество это не походило. В результате на руках у супругов оказалось три с лишним тысячи долларов.

– Можно жить, – заметила Марина. – Во всяком случае, теперь ты не будешь уверять, что за похороны заплатил из своего кармана.

– Ах, спасибо! – Сергей иронически постучал пальцем себе по лбу. – А долг?

– Но я же говорю тебе, все деньги она вкладывала в товар, иначе быть не могло. Только вот что меня беспокоит... – Марина призадумалась. – Для ее оборотов три тысячи долларов – сумма нормальная. Такой суммой она всегда могла располагать. Да и предпочитала за товар отдавать свои деньги. Так как же вышло, что у нее к моменту поездки настолько опустел карман, что пришлось брать в долг?

– А может, она сидела на мели?

– Но дела у нее, кажется, шли недурно.

– Узнать бы поскорее, сколько она была должна, – занервничал Сергей. – Послушай, а как на нас теперь выйдет та баба? Которая насчет гарантий?

– Гарантий теперь быть не может. Теперь ей, видно, понадобится сама картошка. Тьфу, валюта. Не знаю, как она нас найдет. Может, оставить наш номер там на автоответчике?

– Идея! Только, знаешь ли, все же неприятно, если нам начнут звонить все ее знакомые. Личности там не очень, кажется, светлые.

– Светлые или темные, а долг придется отдавать. Хотя не знаю, может, смерть должника перечеркивает все его обязательства?

– Та баба, по-видимому, так не думает.

– Ну что ж, отдадим.

– Кстати, что делаем с квартирой?

– Ох, напомнил. Придется побегать. К счастью, она приватизирована. Ведь надо будет оформлять ее на меня.

– Поздно же я получил твое приданое! – вздохнул Сергей.

– Если уж на то пошло, это приданое Лены. Да, если бы кто тебе сказал лет восемь назад, что ее приданое достанется тебе таким образом...

В следующий приезд на квартиру сестры Марина надиктовала на автоответчик номер своего телефона. В течение двух дней она ждала звонков. Ждала и боялась. Но никто не звонил. «Как вымерли, – подумалось ей. – Это очень странно. Ведь почти никто не знает о ее смерти. Ей просто обязаны звонить разные люди, ну хотя бы поклонники. А тут – тишина. Как будто все о ней забыли. А много ли у нее было друзей? Нет, я, кажется, в самом деле плохо знала свою сестру».

И когда однажды в трубке раздался знакомый голос, она в первую минуту не нашлась даже что ответить. Звонил Володя.

– Марина?

– Долго же вас пришлось ждать. А вы, кажется, в последний раз настаивали на срочной встрече?

– Я в центре. Буду ждать вас в кафе «Лира». Это метро «Тверская», дом рядом с «Макдональдсом». Легко найдете.

– Если буду искать.

– На этот раз я не позволю себя отговорить. Я буду ждать вас в первом зале кафе. Сейчас четыре? Значит, я буду там в пять. Марина, я не хочу, чтобы случилась беда. На этот раз с вами.

Он повесил трубку. «Да, от такого приглашения не отказываются», – подумалось Марине. А она-то думала, что все кончилось! И вот теперь она должна ехать в какой-то кабак. Впрочем, это даже неплохо, в кабаке она уже сколько лет не была. И с кем бы ей там бывать? С Сергеем? Она усмехнулась.

Через час она уже спускалась по крутым ступенькам в полуподвальное кафе. Ступеньки привели в коридорчик, где было окошко с обменом валюты, а коридорчик вывел прямо в зал. Тут стояли столики и дубовые скамьи. И за одним из столиков сидел мужчина. Он встал ей навстречу.

Брюнет. Высокий. Лет за тридцать. Серые глаза, особенно светлые на фоне красноватого загара. И самое главное – еще что-то. Что-то, отчего женщина в его присутствии должна была чувствовать себя женщиной.

«Ленка просто дура, – только и успела подумать Марина. – Куда она смотрела? Впрочем, может быть, у него ужасный характер. Хотя, чтобы бросить такого, надо столкнуться прямо-таки с припадками буйства. Меньшее меня бы не оттолкнуло».

– Слава Богу, – приветствовал ее Володя. – А я, честно говоря, сомневался.

– Секунду, сделаю заказ. – Он исчез в соседнем зале, а Марина воспользовалась этим, чтобы оглядеть себя в настенном зеркале. Ну что ж, в этом приглушенном таинственном свете и она сможет выглядеть прекрасной незнакомкой.

Володя вскоре вернулся, официант принес шампанское, фисташки и шоколад.

– Вы, надеюсь, не откажетесь? – Володя пригласительно наклонил бутылку над ее бокалом.

– Не откажусь. А вот это и было то самое, ради чего нам надо было срочно увидеться?

– Увидеться надо было совсем не по такому приятному поводу.

– Да уж, я думаю. – Марина не удержалась от того, чтобы не бросить на него кокетливый взгляд. – По телефону вы мне почти угрожали.

Володя помрачнел.

– Уж я-то вам точно не угрожал. Но вам действительно могут угрожать.

Шампанское потеряло вкус. Марина потянулась в сумочку за сигаретами, Володя поднес ей зажигалку.

– А я-то только начинаю приходить в себя. Что же вы хотели мне сказать?

– Это, как можно догадаться, связано с Леной.

– Не удивляюсь. Во-первых, мне звонили...

– Кто? Мужчина?

– Единственным мужчиной были вы. Звонили женщины. С одной, правда, никаких хлопот не было. Она забрала косметику, которую привезла Лена. А другая хотела получить деньги за эту косметику, которые Лена у нее одалживала перед поездкой.

– Лена одалживала деньги на косметику? Странно!

– Мне это тоже показалось странным. Она занимала деньги, если только собиралась привезти особенно крупную партию. А на этот раз была одна коробка.

– Коробка с чем?

– Парфюмерия.

– Ну, на парфюмерии она особенно много не сделала бы. Но в том-то беда, что, кажется, не ради коробки она туда ездила.

– А вы откуда знаете?

Володя закурил и взглянул на нее.

– Вы, конечно, знаете о наших прошлых отношениях с Леной?

– Она мне говорила.

– Мы были вместе довольно долгое время. Несколько раз ездили в Эмираты. Я достаточно знаю ее бизнес, чтобы сказать, что одна коробка не окупала бы ее поездки. Она никогда не привозила так мало товара.

– И что же дальше?

– А дальше то, что я видел ее в последний раз в Дубае.

– Как же это случилось?

– Чистая случайность. Я ездил за товаром дней десять назад. Побыл там три дня и уже собирался уезжать. Мне что-то понадобилось в Дейре... Я зашел в какой-то магазин, а когда вышел, чуть не столкнулся с Леной. Она меня, правда, не заметила. Стояла на улице, у входа в соседний магазин, и кого-то ждала. Мне не захотелось ее окликать.

Марина с удовольствием восприняла это признание.

– Я взглянул на нее, удивился совпадению и уже собирался уходить, как вдруг увидел, что к ней подошел мужчина. Все бы ничего, но я этого человека случайно знал. К счастью, не слишком близко. Я просто видел его пару раз и знал, кто он. И поэтому я забеспокоился за Лену.

– Кто же он?

– Я не знаю имени. Один мой приятель показал его издали и сказал, что этот человек делает такие дела, что скоро окажется или в Майами, или в могиле.

– А он оказался не в могиле и не в Майами...

– А рядом с Леной. Я точно знаю, что он бандит. Они развернулись и вместе пошли по проспекту. У меня не было времени идти за ними, да и желания тоже. В конце концов, я не мог контролировать все связи Лены. Я успокоил себя тогда, что это могла быть случайная встреча.

– А потом вы забеспокоились?

– Да. Потом, когда я вернулся из Эмиратов, у меня из головы не выходил тот человек. Я собирался позвонить Лене и предупредить ее. Но позвонила мне она. Через полгода после нашего разрыва – впервые. И обратилась ко мне с просьбой – спрятать ее. Так и сказала: «Можно у тебя спрятаться?»

– А вы?!

Володя отвел глаза:

– Никогда себе не прощу, что отказал. Я сказал, что у меня не лучшее место для того, чтобы прятаться. Она положила трубку.

– Почему же вы отказали? – после молчания спросила Марина.

– Сам не знаю. Наверное, не захотел проблем. А может, меня покорило то, что она вспомнила обо мне только в безвыходном случае. Может, это подло – в такую минуту думать о своем самолюбии, но все же... Одним словом, меня замучила совесть. Я гадал, что могло случиться. И позвонил ей. А трубку подняли вы.

Марина зажгла новую сигарету. Характер своей сестры она знала достаточно, чтобы убедиться, что иногда Лене нипочем не захотелось бы помогать. Даже в беде.

– Не знаю, простите вы меня или нет, что я тогда... – снова заговорил Володя.

– Прощу. – Марина неожиданно для себя положила руку на его плечо. И поймала себя на том, что ей захотелось задержать руку. «Что это со мной? – в смятении подумала она. – Неужели влюбилась? Вот уж действительно, нашла время...»

Володя поймал ее пальцы у себя на плече и тихонько сжал их в ладони.

– Хорошо, – тихо сказал он. Они помолчали.

– Я говорил себе после звонка вам: если бы я согласился ее спрятать, ничего бы не случилось.

– Ее спрятала я, – ответила Марина. – Правда, я не знала, что прячу ее, но все же спрятала. И все равно ее нашли. Так что не вините себя.

– Мы еще на «вы»? Давайте уж выпьем за наше «ты», – предложил Володя. Марина глотнула шампанского и улыбнулась ему. – Ты расскажешь мне, как все случилось? – Володя подвинул к ней пепельницу. – Вот проклятие – почему я вынужден говорить с тобой об этом деле?

«Берешь быка за рога? – Марина внутренне улыбнулась. – Ну и прекрасно. Хоть раз в жизни мне встретился мужчина, который прямо заявил, что он меня хочет. А то я уж в собственном отражении стала сомневаться.»

И она рассказала все, что случилось в пансионате. Володя выслушал ее с помрачневшим лицом.

– Да, чисто сделано, не придерешься. Я сам бы решил, что это несчастный случай, если бы она не позвонила мне тогда.

– И если бы я не вспомнила про то, что на корте стучал мяч...

– Хорошо еще, что тебе не вздумалось пойти посмотреть, что там делает Лена...

Марина грустно улыбнулась:

– Я так легко поняла, почему ты не захотел прятать ее, и думаю, ты тоже меня поймешь... С той разницей, что родственные связи приходится сохранять даже тогда, когда все уже мертво. Скажи мне лучше – почему ты решил, что опасность теперь угрожает мне?

– Если допустить, что у Лены была простая интрижка – никаких претензий к тебе, конечно, быть не может. Но из-за интрижки не прячутся за городом, не убивают и не переводят всю квартиру. Нет, я уверен, что их с Леной связывало что-то еще. И потому-то все случилось.

– Ты думаешь, что он втянул ее в какое-то темное дело?

– Наверняка. А Лена была идеальным объектом – легкомысленна, жадна... Увы, такова горькая правда.

– Эта горькая правда для меня не нова. Но она ведь вдобавок ко всему была еще и осторожна, ни за что бы не полезла в авантюру, не рассчитав все до мелочи. Легкомысленна – да, но только в личном плане. А если дело доходило до денег – кассовый автомат и то легкомысленней.

– Но если перед ней замаячили такие деньги, что она смогла бы оставить бизнес и жить на проценты с капитала, как мечтала, она решилась бы на многое. А он мог бы предложить ей такое дело.

– Но зачем ему понадобилась Лена?

– Не знаю. Но думаю, чтобы провернуть какую-то махинацию. А потом он мог решить от нее избавиться. А Лена не тот человек, который согласился бы молчать, если бы ее обманули...

– Думаешь, он решил, что она и меня во что-то посвятила?

– Конечно. И потому я хочу тебя предупредить – ни сном ни духом не показывай, что ты не поверила в несчастный случай. Веди себя как можно естественней. И поменьше контактируй с ее знакомыми.

– Вот как! Тогда я немедленно уйду!

– Ну нет! Я хочу быть исключением!

Их смех странно прозвучал в пустом зале. Все происходящее внезапно напомнило Марине пир во время чумы. «Ну и пусть пирует мое глупое сердце, – отчаянно подумала она. – Пусть я пьяна, влюбилась, пусть меня держит под прицелом тот мафиози... Хоть час, да мой...»

И она не отдернула руку, которую снова взял Володя. И прежде, чем он предложил ей встретиться завтра, она уже знала, что ответит «да».

Он поцеловал ее в машине, под самыми ее окнами, в половине десятого вечера. Весь вечер они просидели в кафе, перейдя в другой зал, туда, где был бар и играла музыка. Марина не знала, от чего она опьянела больше – от шампанского или от его взгляда – откровенного, настойчивого, от взгляда, который раздевал ее, пока она сидела напротив, полуприкрыв глаза и сладко хмелея от него. Никогда в жизни она не испытывала ничего подобного и теперь сама себя не узнавала. Но, взглянув случайно на часы, она поняла, что дольше оставаться не может. Она ничего не сказала Сергею, не оставила записки. И попросила Володю отвезти ее домой. Он почти всю дорогу не проронил ни слова, а Марина пыталась вспомнить, говорила она ему что-нибудь о своем муже или нет. Кажется, говорила. Во всяком случае, остановив машину возле ее дома, Володя ничего не сказал о том, что хотел бы подняться наверх. Он притянул ее к себе, Марина отвечала на поцелуй и чувствовала, что горячий хмель наполняет ей сердце. Она резко отстранилась и отодвинулась в угол сиденья. Лицо горело, и она порадовалась, что в машине темно.

– Что-то не так? – помолчав, спросил Володя.

– Не в этом дело... – Марина постаралась, чтобы ее голос прозвучал спокойно. – Мне надо идти.

– Я увижу тебя?

– Завтра.

Он еще раз поцеловал ее и осторожно отпустил. Пошатываясь, Марина вышла из машины и едва вошла в закрытую дверь подъезда. В лифте постаралась привести себя в порядок. «Что скажет Сергей, если унюхает шампанское?» – мелькнуло у нее в голове.

Но Сергей ничего бы не унюхал. Как затравленный зверь носился он по квартире, куря одну сигарету за другой. Марина испугалась, увидя его серое лицо.

– На, полюбуйся, – кинул он ей в лицо какую-то смятую бумажку. – Погляди, что отколола твоя драгоценная сестренка!

Марина даже не сразу поняла, что именно она держит в руках.

– Какие-то цифры...

– Нам голову снимут за эти цифры! Эти цифры мне написала та баба! Которая насчет картошки! Восемнадцать тысяч!

Обессилев, Марина опустилась на постель. Бумажка в ее руке задрожала приметной дрожью.

– Восемнадцать тысяч долларов? Что это за деньги?

– Это ее долг! С процентами!

– Долг? – тупо повторила Марина. – Разве не три тысячи?

– Псу под хвост три тысячи! Она взяла в долг восемнадцать тысяч долларов! И обязалась вернуть через три недели с процентами! Нет, она круче, чем я думал! – Сергей швырнул на пол горящую сигарету и растоптал ее в прах. – Клянусь, не будь она мертва, я сам бы ее пристукнул! Куда она задевала эти деньги?!

Хмель слетел с Марины. В голове осталась серая пустота. И эта пустота начинала болеть.

– Мы можем отказаться платить, – неуверенно сказала она.

– Черта с два! Если бы она еще взяла у банка... Тогда не знаю, может быть... Но она взяла у частного лица. А ему закон не писан. Та баба сказала, что долг придется выплачивать нам.

– Придется продать ее квартиру.

– А почему не подарить? Нет, она у меня заплатит!

– Ты в своем уме? Кто? Покойница?

– Она спрятала деньги, и я их найду!

– Ты уже придумал, где будешь искать?

Сергей безумными глазами взглянул на нее.

– Думать будешь как раз ты. Ты ее знала, она твоя сестра, в конце концов.

– Оставь меня в покое! – Марина вскочила и тут же снова рухнула на кровать. Впервые в жизни Сергей ее ударил. С размаху, по щеке. Ударил и выбежал из спальни.

Опустошенная, с горячей щекой, Марина тупо сидела, глядя в одну точку. Потом упала ничком на кровать и зарыдала.

Эта их ссора, как и предыдущие, закончилась довольно быстро. Но не бесследно. У Марины было почти физическое ощущение, что между ней и Сергеем встала стена. И с каждым часом она становилась толще.

Сказав друг другу весьма прохладные слова примирения, они улеглись в постель. Сергей, отвернувшись, лежал, не говоря ни слова, но Марина чувствовала, что он не спит. Сама она тоже не смогла бы сейчас уснуть. Включив маленькую лампу на своей тумбочке, она полулежала на подушках, перебирая в памяти события сегодняшнего дня и от нечего делать перелистывая туристический проспект, который все эти дни так и пролежал у нее в изголовье. Пальмы, зеленые лужайки, здания невообразимых форм, и жаркое щедрое солнце... Вот на одном из таких проспектов стояла Лена и ждала того человека, который потом убил ее. Да, это как раз Дейра. Торговый квартал. Мечеть. «Бритиш банк». А это что?

На последней, чистой странице проспекта, где внизу был напечатан адрес туристической фирмы, черной ручкой было нацарапано несколько слов. Нет, не слов. Обрывков слов. В столбик, одно под другим: «Твер. Мар. Сев.». Потом зачеркнуто, и снова написано, уже в другом порядке: «Мар. Твер. Сев.». И – больше ничего.

«Какое-то заклинание, – подумала Марина. Она взгляделась в буквы. – Что же это может быть? Какие-то сокращения... Да, так обычно пишет человек, если торопится. Или просто лень дописать. „Твер.“ Тверь? Да нет, при чем тут Тверь? Тверская! – озарило ее. – Ну да, Тверская! Та женщина, ко-торая забрала товар, забрала его для киоска на Тверской! Значит, Лена думала, не поспешить ли ей сразу к той женщине... Да, больше всего это похоже на план действий. Так можно записать то, что ты собираешься сделать и в какой последовательности. Вот же тут изменен порядок – вместо „Твер.“ на первое место поставлено „Мар.“. „Мар.“... Да это же я! Марина! Точно, она сначала собиралась встретиться с той женщиной, а потом заспешила и поехала ко мне. С „Мар.“ и „Твер.“ ясно. А вот что такое „Сев.“? „Сев.“... Сева? Никакого Севы не знаю. Может, какой-нибудь Севастьянов? Опять пробел. А если „сев“ как таковой, то вообще полный абсурд, никогда в жизни Лена ничего не сеяла...»

– Ты погасишь свет? – не поворачиваясь к ней, спросил Сергей.

– Ты уверен, что в темноте сможешь уснуть?

– Я смогу уснуть, если буду знать, куда она дела деньги.

«Сказать ему про „Сев.“? – подумала Марина. – Да нет, ни к чему... Если я не знаю, то он и подавно. А ведь теперь он многого не знает. Не знает про мафиози, не знает про Володю... Ну, про Володю ему незачем знать. А вообще, если я и дальше буду обо всем умалчивать, то скоро мне нельзя будет с ним ничего обсуждать... Ну и пусть! Буду обсуждать с Володей. Где же она все-таки спрятала деньги? И что искал тот?»

– Ты слышала, что я спросил? – повторил Сергей. – Куда она могла деть деньги?

– Как раз об этом думала.

– Ты даже приблизительно себе не представляешь, куда она могла деть такую сумму?

– Вложить в товар... – механически заметила Марина и замерла, как громом пораженная. «В товар! Она привезла всего одну коробку! Никогда она не привозила так мало... Володя сказал, что это невыгодно. А деньги взяла... Под проценты, на три недели. Значит, была уверена, что с этих денег скоро получит большую прибыль. Мафиози... Действительно, он мог на что-то подбить Лену. Наплести ей что-то про выгодное дело, заставить взять кредит... Впрочем, если светила большая прибыль, Лену заставлять не пришлось бы. Скорее она сама могла его

поторопить. А коробка? Для отвода глаз... Чтобы никто даже не подумал, что цель поездки была другая...»

Она погасила свет. Лежа в темноте, попыталась уснуть, но мысли мешались у нее в голове. Восемнадцать тысяч долларов, две недели срока уже прошли... Еще неделя, и они влипнут в историю... Сергей прав, надо как можно скорее искать те деньги. За что тот тип все-таки убил Лену? Решил забрать у нее деньги? В таком случае, ни в какой товар она их не вкладывала, раз он убил ее после Эмиратов, а не до... А если вложила, то решил забрать сам товар? Какого объема мог быть этот товар? Он искал его в самых разных местах, в том числе в кассетах и коробочках от лекарств... Не уран же провезла Лена... Уран обычно вывозят от нас, а не ввозят его к нам. Нет, глупости, уж на уран-то ее никто бы не соблазнил... А может, он просто решил избавиться от сообщницы? Может, она отказалась дальше участвовать с ним в деле? Пригрозила выдать? Или он ее обманул, а она разъярилась и стала докучать? Но тогда уж прятаться стоило скорее ему... Лена, у которой отняли деньги... Нет, она не показалась ей тогда разъяренной... Напуганной – да, озабоченной чем-то, но не разъяренной... И еще... Это странное выражение страха и торжества, которое мелькало у нее в разговоре, в выражении глаз... Она была одновременно и напугана и довольна... Значит, он не обманул ее, уж деньги-то не отнял... Но почему она пряталась? Почему боялась? Почему он убил ее? Заколдованный круг. Да еще этот «Сев.»...

Марина почувствовала, что, несмотря на свои мысли, засыпает. «Завтра я все расскажу Володе... – подумала она почти успокоенно. – И про долг, и про свои соображения... Вот кто может помочь мне... Завтра я его увижу...»

С мыслью о нем она и заснула.

В начале восьмого утра ее разбудил звонок. Еще не совсем проснувшись, она села в кровати и почти вслепую нащупала на тумбочке телефон. «Кто в такую рань?»

В трубке раздавался женский голос.

– Я звоню по номеру, который оставили на автоответчике, – нерешительно сказал голос.

– Марина внутренне напряглась. Она бросила взгляд на Сергея. Кажется, спит. А голос незнакомый. – Я сестра Лены. Вы ничего не знаете?

– Нет, а что случилось? – В голосе послышался страх. – Я ничего не знаю... Я звонила вчера вечером и услышала ваш номер. Она там больше не живет?

– Она вообще нигде не живет. Она умерла. Утонула. Вот уже неделя прошла.

– Господи... – Голос куда-то пропал. Марина прислушалась и уловила, что женщина все-таки говорит что-то, но так тихо, что слов невозможно разобрать.

– Я не слышу вас! – Марина немного повысила голос, снова взглянула на Сергея. Ей почему-то не хотелось, чтобы он просыпался. – Громче, пожалуйста. С кем я говорю?

– Это ее подруга. – Голос звучал яснее, в нем слышалось смтение. – Меня зовут Света...

– Света, а другого времени вы не могли выбрать для звонка? Здесь все еще спят.

– Я забыла, простите... – Голос снова стал удаляться, и Марине пришлось опять повторить «алло». «Что она там забыла? – раздраженно подумала Марина. – Забыла, что половина восьмого?»

– Простите, – сказала наконец Света вполне отчетливо. – Просто Лена была «жаворонком», как и я. Мы часто звонили друг другу утром... Я по привычке позвонила так рано... Я не знала, что не она подойдет к телефону...

– Ну что ж, – не вытерпела Марина. – Теперь вы все знаете. Я могу вам чем-то помочь?

– Не знаю. Я хотела поговорить с Леной... Мы давно не виделись... Еще с июня... Я уезжала и вот теперь решила узнать, как у нее идут дела...

«А ведь я упускаю возможность узнать что-то новое о Лене, – вдруг сообразила Марина. – Вряд ли она представляет какую-то опасность. Хотя ведь сказал Володя: „Поменьше контактируй с ее знакомыми...“»

– Света. – Марина наконец решилась. – Мы с вами не могли бы встретиться? Вы понимаете, мне хотелось бы кое-что узнать о Лене... Вы ведь были ее подругой?

– Да, но... Я сама ничего не знаю...

– Но мне все же хотелось бы поговорить с кем-то. Понимаете, мы хоть и были сестрами, но она со мной не откровенничала.

«Кто тебя за язык тянет? – рассердилась она сама на себя. – Если будешь все выкладывать первому встречному, скоро без головы останешься. Если мафиози заподозрит... Но не прослушивает же он наш телефон, в самом деле!»

Света решилась.

– Может быть, мне действительно найдется что рассказать вам... Только... Знаете, мы не то что поссорились в последний раз, но...

– Вы не первая говорите мне эти слова, – успокоила ее Марина. – Мы и сами с ней не то что, но... Когда мы увидимся?

– Приехать к вам?

– Нет, не стоит. – Марина все же решила соблюсти хоть какую-то конспирацию. «Где же мне назначить свидание? Не в „Лире“ же!» И вдруг в голову ей пришла идея. Ведь квартира Лены стоит пустая! Идеальное место для встречи! – Давайте-ка встретимся у нее... Завтра, часа в четыре?

– Тогда я приеду прямо туда. В четыре.

Света положила трубку. «Верно ли я сделала, что назначила встречу? – Марине было не по себе. – Бог знает, кто она такая... Может, из той же шайки... Хотя вон как она перепугалась... А впрочем, выбора у меня нет. Мне надо найти деньги. Во что бы то ни стало! Использовать любую возможность... А почему именно мне надо их найти? – подумала вдруг она. – Да потому, что от Сергея все меньше пользы с тех пор, как я стала от него что-то скрывать. Зато у меня теперь есть Володя... Да, Володя! Мы ведь договорились встретиться! Он позвонит сюда! Теперь мне ни на шаг нельзя двигаться отсюда. Если трубку поднимет Сергей... Когда мне в последний раз звонил мужчина, за исключением главврача? Сергей сразу что-то заподозрит. Надо сидеть у телефона!»

Сергей внезапно заворочался и повернулся к ней:

– Кто-то звонил?

– Ошибка.

Он вздохнул:

– Уже не усну. Опять в голове деньги.

Вставать им было совершенно незачем. У Сергея впереди была неделя отпуска, а отпуск Марины только начинался. И тем не менее они встали.

Тягостно тянулись пустые утренние часы, заполненные мыслями о деньгах. Сергей спалил все сигареты, выпил огромное количество кофе и все это время не переставая ходил взад-вперед по квартире. Марине даже стало его жалко.

– Да не терзайся так, – попробовала она успокоить. – Не убьют нас, в самом деле...

– Да, ты точно это знаешь?! – накинулся на нее Сергей. – Вот ее же убили. Я теперь не сомневаюсь, что из-за этих проклятых денег.

– Убили и ограбили? Но тогда тебе вообще незачем думать, где могут быть деньги. Раз ее ограбили, нам остается только продать ее квартиру.

– Черт, скорее бы... – вырвалось у него.

Через пять минут раздался звонок. К телефону подскочили оба.

– Дай, лучше я. – Марина все же успела схватить трубку первой. Как она и ожидала, это был Володя.

– Меня, – коротко сказала она Сергею, махнув ему рукой, чтобы он уходил. Но Сергей остался стоять рядом. «Что такое? – изумилась Марина. – Из-за денег совсем с ума сошел». Ей пришлось говорить подчеркнуто деловым тоном, выбирая слова: – Ах, здравствуйте. Это вы?

– Ты не узнала меня? – удивился Володя.

– Да-да. Я слышу.

После короткой паузы Володя спросил:

– Можешь говорить?

– Не совсем.

– Тогда слушай. Я кое-что узнал. Жду тебя там же тогда же. Придешь?

– Да, конечно, постараюсь.

Под мрачным взглядом Сергея она положила трубку и только тут вспомнила, что на их «Панасонике» все разговоры в трубке были отчетливо слышны даже на расстоянии трех шагов. А Сергей во время беседы с Володией почти дышал ей в лицо.

– Подружка?

Она не успела увернуться. Он ударил ее, не так сильно, как вчера, но с хорошо рассчитанной злобой.

Она машинально села.

– Это превращается у тебя в дурную привычку, – заметила женщина как можно спокойнее.

– Сука!

Она успела увернуться от мелькнувшей руки. Удар пришелся по воздуху. Сергей едва не упал на постель. Марина отскочила. Никогда еще она не видела его в такой ярости.

– Завела себе хахалю в такое время?!

Она чуть не рассмеялась. Это был нервный смех, и ей удалось сдержать его.

– Успокойся, никакой это не хахаль. И почему тебя возмущает выбранное мной время?

– Не хахаль?! «Ах, когда же ты придешь... Ах, я буду тебя ждать...» И что это он там узнал?!

«Черт, все слышал, – мелькнуло у нее. – Разобью этот телефон, поставлю старый, советский. Он где-то на антресолях...»

– Ну, отвечай, голубушка! Кто это такой?

«Черт, и как назло не на кого свалить... Ни одного мужика подходящего, не за главврача же его выдать?»

– Я не узнаю тебя! Или ты прикидывалась все эти годы? Я слышал, как он звал тебя куда-то. Никуда ты не пойдешь!

– Как ты смеешь меня удерживать?! Захочу, вообще уйду!

Она заперлась в ванной и стала рассматривать в зеркале припухшую щеку. «Хорошо, хоть фонарь не поставил, – подумала она. – Как бы я показалась Володе? Да уж, не думала, что опасность меня прежде всего станет подстергать в собственном доме. А в гневе Сергей опасен. Он, конечно, не убьет. Но разукрасить может, уж на это-то моего героя хватит. Господи, какой он все-таки жалкий тип! Почему я раньше этого не замечала? – И она усмехнулась своему отражению. – Эх ты, психолог... Сейчас он действует тебе на нервы, потому что ты влюбилась. Что будет дальше? Вот посмеялась бы Лена... Даже ее любовник достался мне по наследству. Сначала собственный муж, а потом любовник. Я знаю, что будет дальше. Я не откажусь от Володи. Гори все синим пламенем!»

Она приняла душ. Потом все время, пока сушила волосы, гладила выходной розовый костюм и красилась, хранила молчание. «Пусть только попробует», – сказала она сама себе. Но Сергей не пробовал. Он лежал на постели рядом с телефоном и смотрел в потолок. Ее он подчеркнуто не замечал. Только когда она, уже совсем готовая к выходу, взяла с подзеркальника свои ключи, подал голос:

– Все-таки идешь?
– Да, и что? – Она не обернулась.
– Не пожалеешь?
– О чем мне жалеть? О твоих пощечинах?
– Их больше не будет.
– Поверю на слово. Но тогда и ты мне поверь. Никакого хахаля у меня нет.
«Да уж, – иронически подумала она. – Если мы оба сдержим слово, веселая семейная жизнь меня ожидает».
Она вышла на лестницу и захлопнула за собой дверь.

В четыре часа женщина сидела в «Лире». Снова в пустом зале оказались они одни с Володей. К тому времени щека у Марины уже пришла в норму, а выпитое шампанское значительно улучшило ей настроение. Ей захотелось улыбаться. Но Володе, похоже, было не до улыбок.

– Я увиделся с тем своим приятелем, который когда-то показал мне типа, того, из Эмиратов. Много я из него не вытянул, но зато точно узнал, чем тот занимается. Это контрабанда.

– Контрабанда? – Марина не нашлась что сказать.

– Да, он несколько раз в год провозил через границу запрещенные вещи. Что за вещи, я так и не узнал. Похоже, мой приятель побоялся об этом распространяться. А сам он узнал об этом случайно, того типа лично не знает. Ему, в свою очередь, тоже кто-то его показал. В общем, концов не найти. Но известно хотя бы, во что вляпалась Лена. Это на нее как раз похоже. Четких границ между легальным и нелегальным бизнесом для нее не существовало. Как только подвернулся случай заработать, она им воспользовалась. Теперь несчастный случай можно исключить. Знала бы ты, насколько мне это не нравится...

Он замолчал. Из коридора вошли двое мужчин и направились во второй зал, где находился бар. На Володю с Мариной они даже не взглянули.

– И еще. – Володя закурил сигарету. – Еще я узнал, что этого типа держат на заметке. Правда, завести на него дело не могут – фактически он чист, но на таможне при выезде и въезде шмонают особенно тщательно. А что такое шмон на таможне даже для обычного человека, я знаю. При выезде еще ничего, достаточно предъявить декларацию. Осмотреть вещи или обыскать тебя самого могут только в том случае, если ты вдруг не понравишься таможеннику. Но вот при въезде... Будет поднята твоя декларация, и ты должен будешь отчитаться за каждый потраченный за границей доллар. Если деньги в товаре – показать товар. Опять же, если ты чист, особенно тщательно шмонать не будут. Прикинут на глазок, – а глазок у них наметанный, – и отпустят. Но того типа, я уверен, шмонали и здесь и там.

Марина начала что-то понимать.

– Ты думаешь, Лена понадобилась ему, чтобы что-то пронести через таможню?

– Именно. И даже могу сказать, что пронесла при выезде отсюда. Деньги. Не внесенные в декларацию, за которые потом никто не потребует отчета. Она рисковала – если бы ее вдруг обыскали, немедленно завели бы дело. «Попытка контрабанды» – есть такая статья, еще древняя, советских времен.

«Деньги, деньги... – стучало у Марины в висках. – Так вот куда делись деньги!»

Она рассказала Володе про восемнадцать тысяч долларов. Он напряженно выслушал ее.

– Скверно, – сказал он наконец. – Значит, она вошла в долю. И странно, если бы она не вошла. А значит, с деньгами придется попрощаться.

И тут Марина вспомнила, о чем хотела его спросить со вчерашнего вечера.

Она достала из сумочки проспект.

– Вот, посмотри. – Указала Володе на последнюю страницу. – Это написала Лена. Видишь?

– «Твер. Мар. Сев.», – прочитал Володя вслух. – Что это такое?

– Что такое «Твер.» и «Мар.», я знаю. «Тверская», «Марина». Она записала то, что ей надо было сделать в Москве. Сдать товар на Тверскую. Спрятаться в пансионате. А что такое «Сев.» – ума не приложу. Но сдастся мне, именно это для нас может оказаться важным.

Володя молча смотрел на страницу. Потом поднял глаза.

– Теперь я знаю, где деньги, – как-то устало сказал он. – Как я сразу не догадался? «Сев.», Марина, – это «Севастополь».

– Мне это ничего не объясняет.

– Гостиница «Севастополь». Здесь, в Москве. Там есть склад, куда приходят карго из Эмиратов. Я сам однажды получал там груз.

– Что такое карго?

– Это система пересылки грузов из-за границы. Скажем, в Дубае ты купила холодильник: не повезешь же ты его в Москву на себе? Едешь с этим холодильником в контору, которая занимается пересылкой грузов. Там холодильник запакуют и отправят в Москву с карго. Ты его получишь со склада. Самый большой склад в Домодедове. Но им пользоваться опасно – мафия. Будешь получать холодильник до потери сознания и еще заплатишь... Есть склады помельче – не так уж много. «Севастополь» – один из них.

– И что?

– Да то, что он наверняка не рискнул перевозить контрабанду с собой. Или с Леной, не важно. Деньги на выезде она могла утаить, а вот товар, какой бы он маленький ни был, при въезде – вряд ли. Ее могли обыскать. И он, наверное, все учел и предпочел из двух зол меньшее – отправить товар с карго. Риск тоже, не исключен... Груз может потеряться, заехать не туда, коробку могут вскрыть... Но все равно это безопаснее. Наверное, он и раньше пользовался таким способом. Главное преимущество, что тебя не могут поймать за руку. Тот, кто тебя обворует, уже не будет иметь к тебе претензий. Товар пропадет, и все. С карго получение груза сведено к минимуму – предъявляешь квитанцию и увозишь его. Никакой таможни.

– Так, значит, деньги в товаре? Нам никогда его не получить!

– Теперь я так не думаю. По крайней мере, знаю, куда он придет.

– А если он уже пришел? Если тот его уже получил?

– Ну разве что послали слона. Как правило, чем больше объем посылки, тем скорее ее получишь. Крупные грузы контора отправляет из Эмиратов сразу – и возни с ними меньше, не надо на каждый ящик оформлять бумаги, да и на складе держать громоздкий товар невыгодно. А вот если ты послал один-два ящика – спокойно можешь прождать три недели.

– Вот почему она взяла кредит на три недели!

– Именно. Надеялась получить их обратно, да еще с накруткой. А какая может быть накрутка, остается только гадать.

– Да, перед таким предложением Лена не устояла бы...

– Я думаю, только в Москве она поняла, во что вляпалась, – сказал Володя. – Потому и хотела спрятаться.

– Спрятаться? А свою долю подарить тому? – Марина покачала головой. – Я скорее поверю в то, что она покушалась на его долю... Когда она чуяла деньги, то шла напролом.

– Черт! – сказал Володя.

– Что такое?

– Как только она вернулась в Москву, поспешила спрятаться! В ее квартире все было перевернуто! В номере – тоже! Она решила его обмануть! Господи, какая же она все-таки идиотка... – Он осекся. – Прости.

– Да и я повторила бы то же самое. Ты думаешь, она решила обчистить его и все получить сама?

– Теперь все сходится. Он искал что-то. Сначала что-то, а не ее саму, – ты ведь говоришь, в квартире он побывал раньше. Что-то маленькое, что можно спрятать во вкладыше от кассеты... Квитанцию, Марина! Квитанцию на получение груза. Лена с ней сбежала!

– И намеревалась все получить сама? Но это же безумие! Ведь он знал, куда придет груз! Он бы встретил ее в «Севастополе»!

– Ты сама говоришь, что она в иных случаях шла напролом. Да и я ее тоже прекрасно знаю. И представляю себе ее мысли: «Он не сможет мне помешать, если я его опережу. Буду звонить на склад, пока не придет груз. Возьму пару дружков и получу его. Не пристукнет же он меня. А потом, с деньгами, мне сам черт не брат!»

– Да, это в ее духе... – Марина задумалась. – Так, значит, квитанция была выписана на ее имя? Чтобы не вызвать подозрений?

– Возможно. А может быть, там были указаны два отправителя. Он и она. Хотя это создало бы при отправке дополнительные сложности.

– Если на квитанции значатся два отправителя, может груз получить кто-то один? Без сопровождения второго?

– В том-то и дело, что им пришлось бы явиться вдвоем. Так обычно не делается. В квитанции значится один отправитель, а второй верит ему на слово. Это ведь обычно не чужие друг другу люди, а компаньоны.

– Но, получается абсурд! Значит, если вписаны были оба, оба должны явиться? Так зачем же она унесла квитанцию? Она ведь не смогла бы по ней получить без него!

– Марина, я ведь говорил тебе: карго – это не таможня. Здесь главный принцип такой, что никто ни за что не несет ответственности. Даже если груз пропадает, нельзя будет пожаловаться. Зато если даже в твоём грузе обнаружат тонну героина, тебя никто не привлечет к суду. Это одновременно и риск и гарантия твоей личной безопасности. А если вместо одного получателя явится второй и предъявит квитанцию, где вписаны оба... Не думаю, что сложности будут непреодолимы. Скорее всего он получит груз.

– И она все это знала?

– Наверняка. Она ведь отправляла как-то товар с карго. Правда, получала в Домодедове.

– Точно! Я еще помню, как она тогда набегалась, пока его получила. Кажется, ей пришлось кому-то заплатить... Боже мой, на что же она все-таки рассчитывала?! Прятаться до последнего момента, потом получить груз и улизнуть... Она просто самоубийца!

– Это точно. В своей смерти виновата сама.

Марина закурила. На душе было скверно, но ее хотя бы не трясло, как все эти дни. Может, потому, что напротив сидел Володя.

– И теперь он спокойно ждет, когда придет груз... – безнадежно произнесла она. – А там деньги Лены... Уж их-то нам точно теперь не получить...

Она поймала его испытующий взгляд.

– Скажи, Марина. – Он не отводил от нее взгляд. – Если ты не получишь этих денег, что будешь делать дальше?

– Продам квартиру Лены. Расплачусь. И всему конец.

«Всему, – подумала она. – И может быть, ты скажешь, что нам больше незачем видаться...»

– Это большая потеря для тебя?

– Скорее для мужа. – Марина опустила глаза. – Он сходит с ума из-за этих денег. Требует, чтобы я их искала. Я, дескать, лучше знаю Лену. Квартиру продавать не хочет. Но, конечно, когда выбора не будет, ему придется согласиться на это.

– Я спросил, будет ли это большой потерей для тебя. – Володя подчеркнул последние слова. – Для тебя, потому что если я и попробую вытащить обратно те деньги, то не ради твоего мужа.

– О чем ты говоришь?! Хватит одного трупа. Мне эта квартира не нужна. Но, честно говоря, не думала, что в наше время может встретиться человек, который будет рисковать ради женщины, не думая получить награду.

– Знаешь, если бы для тебя это было очень важно, я бы рискнул. Но голова на плечах у меня все же есть. И потому мне кажется, что разумнее продать квартиру и не связываться с этим делом.

– Гори она огнем, эта квартира! Мне на нее наплевать. Знал бы ты, как мне это надоело...

– Все-все?

– Все на свете! – Марина больше не могла сдерживаться. Она чувствовала, что на глаза навертываются слезы.

– О чем ты? – Володя сжал руку в своей и перегнулся через стол. – Что еще случилось?

– Не надо было жаловаться... Но оставаться там для меня просто невыносимо... Становится хуже и хуже...

Сквозь слезы она не видела его лица. Но то, что он пересел на стул рядом с ней, почувствовала. И его поцелуй – тоже. И снова, как вчера, все растаяло в этом поцелуе, у которого был вкус шампанского и слез.

Володя медленно отстранился.

– Вчера вечером я понял, что ты не хочешь подниматься вверх, к себе... – мягко сказал он. – Жалко, не спросил тогда почему. Может, не дал бы уйти. Но сегодня я тебя спрашиваю...

Вместо того чтобы спросить, он снова привлек ее к себе и поцеловал. Марина едва перевела дыхание.

– Так что ты мне ответишь?

– Все, что захочешь. – И она положила голову ему на плечо.

– Тогда я скажу, что нам пора.

– Скажи!

– И что домой я тебя не повезу.

– Говори, говори!

– И что сегодня кончается вся эта история.

– История с деньгами?

– И не только. Что ты скажешь, если мы предоставим твоему мужу сойти с ума?

– Пусть сходит!

Первый раз она посмотрела на часы в половине десятого. У нее мелькнула мысль, что она еще может уйти. Далекая-далекая мысль, такая привычная и такая чужая. Во второй раз она взглянула на часы в начале первого ночи. Уже без всякой мысли, просто потому, что они попали в поле ее зрения. К этому времени муж остался где-то так далеко в прошлом, что она даже удивилась, что называет его «муж». Никто. Некто из прошлой жизни. Из той жизни, которая сегодня кончилась.

Володя принес из холодильника две банки джина с тоником и разлил его в бокалы. Обессиленная, она едва смогла опереться на локоть и принять бокал из его рук. Ее рука слегка дрожала. Но это была сладкая дрожь.

Никогда в жизни она не отвечала на поцелуи с такой страстью. Были минуты, когда она забывала не только о деньгах и о Сергее, но и о том, кто она сама, где она и кто рядом с нею. Был момент, когда у нее из глаз вдруг брызнули слезы, в которых совсем не было горечи. Последние слезы этого долгого дня.

Она улыбнулась Володе.

– С тобой все в порядке? – спросил он, улыбнувшись в ответ.

– Я как будто проваливаюсь куда-то...

– Спи.

– Мне так легко, так хорошо! Не могу поверить, что все действительно кончилось...

– Хорошо бы.

– Что? Ты ведь сказал, что все сегодня кончилось.

– Загадывать наперед нельзя.

– А что загадывать? Пусть он продает квартиру, расплачивается и катится на все четыре стороны.

– Я сейчас не об этом.

– О чем же?

– Я не могу сказать, что все кончилось, пока тот тип не получит свой груз.

– Да пусть подавится своим грузом! Зачем он мне нужен?!

– Тебе от него, конечно, ничего не нужно. Но я хочу убедиться, что он оставит тебя в покое. И я хочу быть уверен, что Лена не успела ничего больше отколоть. Одним словом, я заинтересован в том, чтобы он получил свой груз в целостности и сохранности. И не предъявлял тебе – наследнице, никаких претензий.

– Какие претензии? Квитанцию он явно нашел. А если в коробках что-то не то я тут ничем не помогу.

– Хотел бы я знать, что там. Наркотики? Исключено. В Эмиратах за это сразу рубят голову, оттуда наркотиков никто не возит. Туда провезти могут.

– Володя, не могу больше об этом думать!

– Все, спим.

Он погасил свечи и улегся рядом с ней. Женщина тут же прижалась к нему всем телом. Когда она чувствовала его тепло, сразу проходили все страхи. Почувствовала, что он гладит ее по голове, по щеке, по плечу... И уснула.

Глава 4

– Жива? – таким возгласом встретил ее Сергей, когда она вернулась домой на другой день далеко за полдень. Марина молча прошла в ванную.

Когда она вышла и первый раз взглянула на Сергея, ее поразил его вид. За ночь он как будто сразу состарился на десять лет. Серое лицо, потухшие глаза. Марина почувствовала что-то весьма похожее на угрызения совести.

«Он беспокоился обо мне, – подумала она. – Но все кончено».

– Я решил, что тебя убили... – таким же невыразительным голосом продолжал Сергей.

– Конечно, мне надо было тебе позвонить. – Марина решилась. – Но я думаю, было бы хуже.

– Что хуже?

– Я ухожу. Вот что я хотела сказать тебе вчера.

Она ожидала крика, протестов, новых пощечин. Но он даже не повернул головы, оставшись сидеть в кресле. Рука с тлеющей сигаретой, зажатой между пальцами, безвольно свешивалась с подлокотника. Пепел упал на ковер.

– Я знаю его? – В голосе не было ярости. Одна усталость, и Марина почувствовала, что проникается к нему все большей жалостью.

– Я сама его знаю не так давно.

– И решаешься уйти?

– Уже решилась.

– Иди, раз так. Скажи только, как хотя бы его зовут.

– Зачем тебе это знать?

– Как мне с ним поздороваться, если позвоню тебе? Оставишь телефон?

– Ну, если хочешь. Ты в самом деле собираешься мне звонить?

– По крайней мере, в первое время. Пока не кончится вся эта история.

– Она кончилась. – Марина поразилась тому, какой эффект произвели ее слова. Сергей резко повернулся в кресле и теперь не спускал с нее глаз.

– Кончилась? Ты нашла деньги?

«Теперь можно сказать», – решила Марина.

– Нашла и тут же потеряла. Этих денег больше нет. Надо продать квартиру Лены, и как можно скорее.

– Что ты знаешь об этом? Где ты нашла деньги?

– Говорю тебе, о них придется забыть. Грязная история.

– Говори! – Сергей вскочил с места. – Что ты знаешь?

– Да не все ли равно, если деньги потеряны?

– Не все равно! Их можно вытащить! У кого они?

– Их нельзя вытащить, – отрезала Марина. – А умереть запросто можно, если будешь пытаться. Вспомни Лену.

– Так ты не скажешь?!

– Нет! Не хочу, чтобы ты продолжал все это! А я вижу, что ты настроен на продолжение. Могу тебе сказать – очень самонадеянно настроен.

– Ты не уйдешь, пока не скажешь!

– Ах так вот в чем дело! – Марина больше не испытывала к нему жалости. – Ты оплакивал наследство!

– Так мне, тебя надо было оплакивать? С твоими истериками, с твоим ангельским характером? Скажи, что знаешь, и убирайся отсюда!

– Да подавись! – Марина больше не могла сдерживаться. – Деньги идут из Эмиратов с грузом, контрабанда, понял?! Лена вложила деньги в контрабанду! И поплатилась за это! И ты поплатишься, если захочешь получить ее долю! Все!

– Нет, не все! – Сергей поразительно переменялся. Куда делась усталость? Теперь во взгляде его было что-то одержимое. – Этого мало! Начала, так расскажи все!

И она рассказала про систему карго, про «Севастополь», квитанцию. Он слушал ее, придвинувшись почти вплотную.

– Так, значит, квитанция выписана на двоих? – перебил он ее.

– Может, на кого-то одного. Какая разница! Ты что же, собираешься получить по ней? Да у тебя ведь еще меньше шансов, чем было у Лены. На что ты рассчитываешь? И квитанции у тебя нет.

– Черт! – Он едва переводил дух. – Я догадывался о чем-то подобном. Если бы я знал раньше!

– Чем бы тебе это помогло?

– Эту квитанцию надо было беречь как зеницу ока! У Лены не хватило мозгов ее спрятать! И теперь все пропало!

– Для тебя действительно все пропало, – презрительно сказала Марина. – А теперь дай мне уйти.

Больше он не задерживал ее. Он снова рухнул в кресло, и в те редкие мгновения, когда Марина на него смотрела, ей казалось, что он мучительно старается что-то сообразить.

«Может, зря я сказала, – пронеслось у нее в голове. – Кто знает, что ему придет теперь в голову? Уж не вздумает ли он отнимать деньги у того мафиози? Абсурд! Но вся эта история – сплошной абсурд. Надежды Лены и это его помешательство на деньгах! Как похоже! А раньше мне казалось, что они совершенно разные люди. Он казался мне таким надежным. И вот сошел с ума! Что же он предпримет? О чем думает? Неужели влезет в это дело?»

Несколько раз она едва не открыла рот, чтобы попытаться отговорить его. Но слышать его голос было невыносимо. Ей хотелось одного – поскорее уйти. Она попыталась себя успокоить: «В конце концов, я сказала, насколько это опасно. Если вмешается, сам будет виноват. Но куда это может завести? Неужели продолжится эта история?»

Она отказалась от мысли забрать с собой все вещи. Заехав за ними она решила позже, вместе с Володей, а пока сложила их в дорожные сумки и поставила обратно в шкаф, почти пустой. Попутно переоделась. Вчерашний розовый костюм был измят. Она посмотрела на него с нежностью – ведь он всю ночь лежал на стуле рядом с кроватью... Он был как будто свидетелем их любви.

На этот раз она надела строгий бежевый костюм. Под пиджак пришлось надеть свитер с высоким воротом – осень давала о себе знать. Дни стояли ясные, но пронзительный ветерок продувал насквозь. Марина причесалась, уложила в сумочку косметику, мелочи, без которых не могла обойтись. И только надевая часы, вспомнила о свидании, которое назначила вчера Свете.

Было уже начало четвертого, следовало поторопиться. «А имеет ли смысл это свидание? – подумалось ей. – Ведь все кончено. Но раз назначено, надо идти. У меня нет телефона Светы, да она все равно уже наверняка выехала. Ничего не поделаешь. А может быть, я все-таки смогу узнать что-то о Лене.»

Когда она уже уходила, Сергей снова попросил оставить ее новый телефон. И тут вдруг она сообразила, что этого телефона еще не знает. Забыла узнать, как ни смешно. Она знала, как добраться до дома Володи, и в сумочке у нее лежали ключи от его квартиры. Он дал их ей сегодня утром, когда они прощались. Ему надо было уехать на весь день по делам, и она думала вернуться раньше его. А теперь она не смогла бы его предупредить, что задержится.

– Извини, Сергей, но этого номера я пока не знаю. – Она постаралась, чтобы ее голос прозвучал как можно мягче.

– Ты боишься? – Сергей усмехнулся. – Зря звонить не буду. И устраивать сцены – тоже. Но мне может понадобиться срочно увидеть тебя. Хотя бы если речь пойдет о продаже квартиры.

– А, так ты все же признаешь, что единственным выходом будет ее продать? – Марина обрадовалась его словам. – Хорошо. Но номера я правда не знаю. Обещаю, что вечером позвоню и сообщу его.

К дому Лены она попала только в двенадцать минут пятого. Она надеялась, что Света еще не ушла. Ей почему-то казалась, что та будет ждать ее на лавочке перед подъездом. Однако, за исключением двух старушек, там никого не было. Она поднялась на лифте и, уже вставив ключ в замочную скважину, заметила на площадке между этажами, на пролет выше, девушку в светлом плаще. Та, услышав звук открывающихся дверей лифта, обернулась и теперь смотрела на Лену.

– Света? – Лена вопросительно улыбнулась ей. Девушка кивнула и загасила сигарету в банке из-под кофе, стоявшей на подоконнике. Вместе они вошли в квартиру.

Марина мельком заглянула в комнату, убедившись, что за все это время в ней никто не побывал. Она поймала себя на том, что каждый раз, входя сюда, боится увидеть разгром.

– Кофе найдется, – сказала она Свете. – Может, посидим на кухне? Честно говоря, мне неуютно будет в комнате.

Света кивнула. За все время она произнесла только несколько слов. «Стесняется или чем-то сильно подавлена», – подумала Марина.

Она сварила кофе, и они устроились за кухонным столиком. Света закурила длинную ментоловую сигарету, и Марина невольно отметила, что такие же сигареты предпочитала ее сестра. Должно быть, слишком пристально смотрела в тот момент на свою гостью, потому что та все время отводила взгляд.

Только сейчас она хорошенько рассмотрела ее и поняла, что впечатление юности, которое с первого взгляда производила Света, обманчиво. Холеное нежное личико, почти кукольная правильность черт, маленький, пухлый, почти детский рот. И желтоватая, усталая тень, которую невозможно скрыть под гримом. А грима на этом лице было, пожалуй, слишком много. «Изо всех сил старается выглядеть моложе», – подумала Марина. И неизвестно почему, ей стало жалко Свету. Она первая прервала молчание.

– Вчера я сказала вам, что хочу узнать кое-какие подробности из жизни Лены, – сказала она. – Но получилось так, что за это время я узнала почти все меня интересующее. Разве что вы сами захотите мне что-нибудь рассказать...

– Я не знаю, что вас интересует. – Голос Светы прозвучал сдавленно. Она говорила как бы с трудом, не поднимая глаз.

«Господи, да она же чуть не плачет!» – поразилась Марина.

И тут Света действительно разрыдалась. Она сотрясалась от всхлипов, закрыв глаза ладонью. Марина растерялась. «Вот, посторонняя, а как переживает, – укоряла она себя. – А я, разве я хоть раз поплакала о ней?» Она поторопилась налить воды в стакан и подала его Свете. Та сделала несколько судорожных глотков.

И когда подняла наконец лицо, Марина поразилась. Часть грима сошла с этих кукольных черт, и теперь лицо беспощадно выдавало свой возраст. Если в начале Марина подумала, что перед ней двадцатилетняя девушка, то теперь перед ней сидела женщина с измученным, усталым лицом. С невероятно усталым взглядом. Марина не нашла, что сказать. Света заговорила сама:

– Извините. – Она достала зеркальце и промокнула мокрое лицо платочком. – Я сорвалась... Не думала, что эта квартира вызовет столько воспоминаний. У меня с ней связано

больше, чем вы можете подумать. – Она взглянула в лицо Марине. – Я сказала вам вчера, что мы с Леной были подругами. Это совсем не так. Мы никогда ими не были. Не назовешь ведь другом человека, который тебя убивает... Даже если он об этом не догадывается... Не дает себе труда догадаться... Я сразу объясню вам, в чем дело, – продолжала она. – Не думала я, что решусь кому-нибудь это рассказать... Да и кому? А вам расскажу, может быть, потому, что вряд ли еще когда-нибудь вас увижу... Не знаю, то ли это будет, чем вы интересовались... Я начну издалека. Одна знакомая, которая увлекалась хиромантией, посмотрела однажды мою руку и сказала, что моя жизнь погублена из-за любви. Я тогда посмеялась. А теперь моя жизнь действительно погублена... Только вот любви уже нет. Есть проклятие, мучение, назовите, как хотите. Но в том-то и дело, что избавиться от этого я не могу. Два года назад я встретила одного человека. Он ухаживал за мной, выполнял все мои капризы. Я привыкла думать, что он мне во всем покоряется. Переоценила, свои возможности. В один прекрасный день я поняла, что люблю его. Как и когда это произошло – не знаю. У меня не было причин скрывать это от него, и я радостно ему в этом призналась. Я думала, что вот теперь и начнется счастье – взаимная любовь. А начался кошмар. Он резко переменялся – так резко, что мне скоро стало ясно, что все его прошлое отношение ко мне – только игра.

Он стал резок, груб, обращался со мной как с пустым местом. Я думала, что схожу с ума! Это был другой человек! Я как будто упала с небес на землю, да что там, провалилась прямо в ад! Самое ужасное было то, что я не могла понять причины такой перемены... Убедившись, что я, несмотря ни на что, все равно продолжаю его обожать, во всем ему покоряюсь, он дал понять, что ему нужно. Я стала его собачкой, дрессированной собачкой, выполняющей приказы. Я до тех пор не знала, чем он занимается, знала только, что он ведет какую-то крутую жизнь, – отсюда и деньги, и машины, и рестораны... Оказалось, что он профессиональный игрок – шулер. Но не из тех, которые ловят дураков в такси или на улице с наперстком. Он выбирал жертву загодя – присматривался к ней, знакомился как бы невзначай, начинал приглашать к себе в дом... Тут начиналась моя роль приветливой хозяйки. Я улыбалась, варила кофе, угощала домашним печеньем... Клиент ничего не должен был заподозрить. Потом как бы случайно он попадал к нам в такой вечер, когда собиралось еще несколько гостей. Гости из той же шайки. Мы мило проводили время, потом как бы случайно начиналась игра. Тот проигрывал огромную сумму денег под расписку. На этом и кончалось. Деньги по расписке получал другой человек, с которым он делился. – Света посмотрела на Марину застывшим взглядом. – Клиентов приманивал гениально. Он сам образованный человек и производит впечатление почти интеллигентное. С первого взгляда вызывает доверие. А я... Я играла роль сладкой дурочки – жены, глупенькой и милой. Иногда, если требовалось задержать клиента, он подкладывал меня ему в постель. Потом начинал шантажировать. За два года такой жизни я постарела лет на пять. Казалось бы, все чувства к нему должны умереть – нет! Я не могла без него... Мне казалось, что это страшный сон, что он снова переменится, станет таким, каким был раньше. Умом я понимала, что это невозможно, но сердцем... Появилась Лена. Нет, не прерывайте! – Она заметила движение Марины и сделала предостерегающий жест. – Я решила и расскажу все, даже если вам будет неприятно узнать кое-что из жизни вашей сестры. Я слишком долго молчала, мне нужно высказаться!

Марина даже не собиралась ее прерывать. Она слушала затаив дыхание.

– Наступило время, когда он перестал обращать на меня внимание. Даже в обыденной жизни, не говоря уже о постели. Я видела, что стала ему не нужна, и не узнавала собственного лица. Куда что делось... Стала бегать по косметическим салонам, по невропатологам, да что толку... Все, чего я добивалась за день, перечеркивалось очередной истерикой вечером. Я потеряла ориентиры, не знала, что делать... Он исчезал, оставлял меня на ночь одну... Клиентов он давно уже не приводил. Наконец сказал, что я ему не нужна – потеряла форму. «Всякий, кто на тебя посмотрит, сразу скажет, что тебе нужно лечиться, – заявил он. – Кого ты можешь

привлечь, скажи на милость? В общем, собирай манатки». Я упала в обморок. Я любила его, все еще любила...

Ее голос прервался. Но она сдержалась и проглотила комок, душивший ее.

– И теперь люблю. Я сама себе смешна, но это так. Я стала следить за ним и выследила в тот миг, когда он с Леной выходил из ресторана. Я так остолбенела, что не успела спрятаться. Он заметил меня. В машину мы сели вместе. Он хладнокровно нас познакомил – о, блефовать он умел отлично! Он мог сделать в ваших глазах черное белым, так же, как менял карту под столом, одновременно давая клиенту прикурить от своей зажигалки... Да, это был настоящий артист. Но меня он обмануть не мог. Я слишком хорошо его знала. Я поняла, что мое место займет Лена. И решила бороться.

Он представил меня Лене в качестве своей сестры. Дома, улучив момент, я рассказала ей все. Во всяком случае, достаточно, чтобы любая женщина убежала отсюда не оглядываясь. Любая – но не Лена. Тогда я не знала, что было тому причиной. Я думала, она влюбилась в него. Умоляла оставить его мне. Унижалась. Потом, много позже, поняла, что она влюбилась в его деньги. Он их не жалел. Меня он обольстил нежностью. Ее – деньгами. Он сразу понял, какой к ней нужен подход. Наступил день, когда он велел мне убираться. Она согласилась сотрудничать с ним. Я обезумела. Поклялась, что выдам его. Он пригрозил, но смертью меня испугать было уже невозможно. Я добила его того, что он меня просто возненавидел, прогнал. Но я не могла отказаться от него. Звонила туда. Иногда мне удавалось поговорить с Леной. Та, как ни странно, жалела меня теперь. Она говорила, что между ними ничего нет. Но я не верила в это. И он не такой, и она не такая... Я узнала, что она оставила свой бизнес, – о нем она мне в свое время рассказала. Надеялась легко, одним махом заработать с ним кучу денег и обеспечить себя надолго. Но мне было известно, что здесь она себя не обеспечит. В конце концов между ними начались скандалы именно на этой почве. Она считала, что получает сущие гроши. Он заявил, что она и того не стоит – ленива, настырна, не выдерживает верный тон. За время жизни со мной он вообще отвык что надо кому-то платить. Я ведь денег не требовала. Она ушла от него. Я дождалась своего часа! Бросилась туда. Он со скрипом, но все же согласился меня взять – до новой находки. Я осталась. С тех пор прошло три месяца. Пока я держусь. Это вся моя история. Можете посмеяться надо мной!..

Света закрыла глаза ладонью. Марина не удержалась и сжала ее другую руку, бессильно лежащую на столе.

– Мне кажется, это не та история, над которой можно смеяться, – тихо сказала она.

Света взглянула на нее. Теперь она казалась почти спокойной.

– Я надеюсь, вы никому не расскажете, – ровным голосом произнесла она. – Да и зачем вам это? Теперь скажите: вы об этом ничего не знали?

– Ничего. Я начинаю думать, что я вообще ничего не знала о ней. Думала, что она занимается своим бизнесом.

– Да, так оно и было, – заметила Света. – Признаюсь, я долго не верила, что отношения между ними закончены, и не выпускала из поля зрения вашу сестру. Постаралась стать ее подругой, в конце концов мне удалось создать иллюзию дружеских отношений. Мы виделись иногда, я приезжала сюда, к ней в гости. Лена расспрашивала, сколько он мне платит. Не верила, что не платит совсем. Я постаралась убедить ее, что рядом с ним находиться вовсе невыгодно. Мы разговаривали как добрые подруги. Я, в свою очередь, интересовалась тем, чем занимается Лена. Больше всего я боялась, что она решит вернуться к нему. Но это мне, похоже, не грозило. Она ушла в свой бизнес. Да и в личном плане больше не представляла для меня никакой опасности – у нее появился любовник...

– Когда это было? – внезапно перебила ее Марина. Больше всего она не хотела услышать имя Володи.

– В конце мая.

«Не он, – с облегчением подумала Марина. – Значит, с Володей она рассталась из-за этого шулера...»

– Кто же это был, если не секрет? Я ничего об этом не знаю.

– Так, один человек... Он бывал у нас несколько раз. Видимо, она познакомилась с ним, когда я там не жила. Имени его я не знаю. Чем занимается – тоже. Могу сказать одно – когда узнала, что именно он стал ее любовником, успокоилась. Он очень красив. Его называли при мне Делон. В смысле «Ален Делон». Действительно похож...

– И вы не знаете, как долго они были вместе?

– Последний раз, когда звонила Лене – в конце июня, – он все еще был ее любовником. Она была счастлива. Я успокоилась и больше постаралась с ней не общаться.

– И больше ничего вы о ней не знаете?

– Больше ничего.

– Но скажите, Света... – Марина подалась вперед. – Вы хотя бы приблизительно знали, чем занимается этот...

– Делон? Одно могу сказать – к игорному бизнесу отношения не имеет. Зачем приходил к нам – не знаю. Они уединялись и разговаривали о чем-то... Я не подслушивала.

– А к бизнесу, которым занималась Лена, он не мог иметь никакого отношения?

– К самой Лене он отношение точно имел.

– Почему вы позвонили Лене, если уже успокоились на ее счет?

– Ах да. Совсем вылетело из головы. Дело в том, что этот Делон зашел к нам недавно. Один. После долгого перерыва. Мы с ним знакомы на уровне «здравствуйте – до свидания», но я все же решила спросить о Лене, когда мы остались на миг одни. Он сказал, что они давно расстались и он ничего о ней не знает. Тогда меня снова кольнуло. Поймите, пока у нее кто-то есть, я могу быть относительно спокойна. А тут опять... Вот и решила позвонить ей. А наткнулась на автоответчик.

– Вы даже не догадывались, что с ней случилось?

– Конечно нет. Боже, я была просто потрясена, даже почувствовала угрызения совести. Ведь, если честно признаться, я иногда думала о том, какое было бы счастье, если бы она исчезла навсегда... И вот она исчезла... – Света замолчала. – Как ни подло, но я почувствовала в тот миг облегчение. Что делать...

Марина лихорадочно обдумывала услышанное: «Делон, Делон... А не может случиться так, что это именно тот человек? Познакомилась с ним Лена в мае... В августе поехала с кем-то в Эмираты... Тоже с какой-то темной личностью... И вот эта темная личность, то есть Делон, является к своему приятелю без Лены, говорит, что давно расстались... Как это проверить? Да ведь Володя видел того человека! Можно расспросить о нем!»

– Света, не могли бы вы описать мне этого Делона? – попросила Марина. – Мне кажется, я знаю этого человека...

– Ну, если бы знали, то не забыли бы! – рассмеялась Света. – Красавец мужчина – этим все сказано. Бабам нравится, мужикам – нет. Выше среднего роста, стройный, темные волосы, голубые глаза... Вид одновременно мужественный и нежный... Что там говорить, хорош, мерзавец!

– А почему мерзавец? – Марина тем временем попыталась нарисовать себе портрет Делона по этим приметам. Получилось нечто потрясающее и в ее вкусе... «Да уж, Лене везло на мужиков», – подумалось ей.

– Почему мерзавец? – Света коротко рассмеялась. – Видите ли, все, кто приходит к нам в дом, по преимуществу мерзавцы. Не знаю, почему Делон должен быть исключением.

– А не могли бы вы раздобыть мне его координаты?

– Зачем это вам? – Света подняла бровь. – Вы думаете, что он вам расскажет что-то о Лене?

– Света. – Марина решилась. Слишком большую симпатию и жалость вызывала у нее эта женщина, чтобы она стала ее бояться. – У меня есть все основания полагать, что это был не несчастный случай. Ей помогли утонуть.

– Вот как, – медленно проговорила Света. Она, казалось, не слишком удивилась. Лицо ее приняло жесткое выражение. Эти кукольные черты могли меняться очень быстро. – Я, признаться, не слишком поражена этим известием. Такие люди, как Лена, редко умирают своей смертью.

– Вы рассказали мне все, и я в свою очередь скажу правду... Надеюсь, вы никому не скажете...

– Я никому не скажу. За последние годы отучилась болтать лишнее. Но я хочу знать, что вы решили предпринять. Было расследование?

– Врач констатировал смерть в результате переохлаждения, на этом конец. Я пыталась вести расследование сама, но зашла в тупик. Знаю, что был человек рядом с Леной, который втянул ее в грязное дело. Она вложила туда деньги, надеясь получить прибыль. Потом, видимо, попыталась обмануть его и получить все. Он ее нашел и убил. Теперь все деньги получит он. А эти деньги Лена взяла в долг и отдавать их придется нам с мужем.

Каждую ее фразу Света сопровождала кивком. Выслушав все, она сказала:

– А сумма?

– Восемнадцать тысяч долларов.

– У вас есть другая возможность отдать ее, не прибегая к этому человеку?

– Можно продать эту квартиру.

– Остановитесь на этом решении. Мой вам совет. Иначе себе дороже обойдется. Вы не знаете его и радуйтесь этому. И не пытайтесь его найти.

– Именно к такому решению и я пришла. Но мало ли что может случиться? Вдруг у меня не будет другого выхода, как найти этого человека? Может быть, это не Делон... А если да? Света, постарайтесь что-нибудь узнать о нем.

– А вы постарайтесь найти другой выход. Но постараюсь узнать, даю вам слово. А теперь мне, пожалуй, надо идти. Я на машине. Подвезти?

– Что ж, если вас не затруднит. Спасибо за все. Хотя слышать некоторые вещи было, признаюсь, не слишком приятно. Да и вам этот разговор, большого удовольствия не доставил...

– Вы ошибаетесь. – Света взглянула прямо ей в глаза. – Как ни странно, мне стало легче, когда я кому-то все рассказала. И знаете, Марина... Совсем вы не похожи на вашу сестру.

Света поправила в ванной грим и вышла оттуда преображенной. Теперь из рамки серебристо-светлых локонов снова сияло юное безмятежное личико. Личико дорогой куклы. И Марина невольно представила себе, как эта несчастная женщина изо дня в день играет унижительную роль, завлекая очередного клиента, создавая иллюзию счастья и домашнего покоя. Она вызывала у Марины одновременно жалость и уважение. «А ведь она, наверное, тоже плохо кончит, – вдруг подумала она. – И ее тоже сломают, бросят... И она знает об этом.»

Света дала ей свой телефон.

– А ваш номер я знаю, – заметила она, отрываясь от записной книжки.

– У меня теперь другой номер, я его сообщу вам вечером. Я ушла от мужа... – призналась неожиданно Марина. – Только вчера.

Света улыbnулась ей, чуть-чуть, одними уголками губ.

– Если бы я тоже могла уйти... – Ее глаза померкли. – Но я даже не могу подумать об этом. Я одновременно надеюсь что уйду оттуда, и что останусь там навсегда. Да что уж!

Она подвезла ее до дома, где жил Володя, и ее серебристо-серый «вольво» исчез в потоке машин. Марина в задумчивости поднялась к себе.

В квартире было пусто, ей удалось опередить Володю. «Рассказать ему о Свете? – подумала она. – Нет, ведь она просила никому не рассказывать... Она явно рисковала, откровен-

ничая со мной. Да и он рассердится, ведь говорил же мне – никаких контактов Мало оказалось этих знакомых. Та женщина, которая забрала товар, та другая, которая напоминает о долге, он сам, позвонивший лишь случайно... Света, которая тоже давно ее не видела... Но с кем-то же она общалась! Где же эти люди?»

Марина сварила кофе и сделала бутерброд с ветчиной. Все это время она не переставала думать. «Точно знаю одно: с тем типом она общалась! А ему зачем звонить? Он-то знает, что она мертва. А остальные? Кто эти остальные? Или они тоже... Тоже все знают... Неужели у нее все знакомые были такого рода? Знать бы, Делон или нет? А зачем знать? Денег все равно больше не увижу. Да они мне уже и не нужны. Черт с ним, с таким наследством! И все же Делон или нет? Высокий, стройный, голубые глаза, темные волосы... Красавец мужчина в моем вкусе... Вот была бы штука, если бы это оказался Володя! – усмехнулась она. – Но у него глаза, слава Богу, серые... И на Делона не похож. Бедная Света, она уже, наверное, у своего... А ей как спастись? Как спасти того, кто сам хочет погибнуть?»

Она решила приготовить ужин. Квартира наполнилась острым духом стоящей в духовке курицы, когда вернулся Володя.

– Никак не могу поверить в тебя, – улыбнулся он, заглядывая в кухню. – Целый день думал, что это сон.

Они поужинали, и Марина убрала со стола. Володя сидел перед чашкой дымящегося кофе, о чем-то задумавшись. «Не обо мне, – подумала Марина. – Какие усталые у него глаза... Серые глаза».

– Прости, что я опять напоминаю... Но ты ведь видел того типа? Не мог бы ты его описать?

– Зачем? – очнулся Володя. – Ты, надеюсь, не собираешься его отыскивать?

– Конечно нет. Но мне интересно знать, каков из себя тот человек...

– Да я к нему не приглядывался. Видел издали. Но ему прямая дорога в Голливуд.

– Подробней!

– Ну, рост выше среднего, волосы темные... Такая, сладкая внешность.

– А глаза?

– Глаза не разглядел. Да что случилось? Ты виделась с кем-то? Я ведь тебе говорил...

– Да нет, ни с кем я не виделась. Только с мужем.

– И что он?

– Ничего. Поговорили по душам. Я собрала вещи и оставила их там. Надо будет забрать, если ты не возражаешь.

– О чем речь... А ты ему, часом, ничего не рассказала? Ну, о Лене?

– Сказала только, что надо продавать квартиру.

– А он?

– Вроде согласен. Меня беспокоит то, что он непрерывно думает о тех деньгах.

– Ну пусть его думает. Раз ничего не знает, то я спокоен. Вот если бы у него адрес был того красавца...

«Красавец, – думала тем временем Марина. – Делон, больше некому. Как я хорошо сделала, что попросила Свету что-нибудь узнать о нем...»

– О чем ты думаешь? – удивленно спросил ее Володя, и Марина увидела, что она стоит в оцепенении посреди кухни с чашкой в одной руке и с полотенцем в другой. Она постаралась улыбнуться. «Он будет вне себя, если узнает, что я виделась со Светой. Ему не объяснишь, что она для меня не опасна».

– Да так... – Она попыталась выбросить из головы Делона. – Вспомнила, что обещала ему оставить этот телефон. Можно?

– Оставь. Тебе, к счастью, прятаться не надо.

– К счастью... Знаешь, я думаю иногда, как страшно чувствовать себя затравленным зверем, каким себя чувствовала Лена... И она могла бы спрятаться здесь...

– Нет, здесь ни в каком случае. После такого разрыва, как наш, никакое сближение невозможно.

Володя дал ей номер, и она уединилась в комнате с телефонным аппаратом. Сначала набрала номер Светы. Ей хотелось оттянуть время разговора с мужем. В трубке отозвался мужской голос.

– Слушаю? – приятный, вежливый, сдержанный голос. Марина слушала его с неприязнью. «Это тот...» – сразу поняла она.

– Позовите, пожалуйста, Свету, – сухо попросила она.

– А кто ее спрашивает? – несколько даже кокетливо не сдавался приятный голос.

– Подруга. – Марина решила не называть себя.

– Минутку. – Голос пропал.

Спустя некоторое время откликнулась Света.

– Да-а? – пропела она в трубку высоким детским голоском.

– Это я, Марина, вы можете говорить?

– О, конечно... – Певучий голосок даже не дрогнул. – Как хорошо, что вы позвонили...

– Я оставлю вам свой телефон... Или не надо? – Марина вдруг встревожилась. Ее пугала мысль, что телефон Володи каким-то образом может стать известным тому шулеру. А то и Делону. «Прав был Володя, когда запретил мне встречаться с ее знакомыми...» – подумалось вдруг ей.

– Оставьте. – Голосок зазвучал глуше. – И не беспокойтесь.

Марине стало стыдно. Она продиктовала свой номер телефона, заметив, что Света не повторяет за ней цифры вслух, как делается обычно.

– Вы записали?

– Нет! – Голосок замялся. – Этого не требуется!

У Марины сразу стало спокойнее на душе.

– Вы на память? – спросила она.

– А как же? Не беспокойтесь, я помню, что обещала. Обязательно пришлю вам журнал. Голосок исчез.

Марина положила трубку и только тут заметила, что рука у нее слегка дрожит. Света ее не выдаст. Она обещала узнать что-то о Делоне и узнает. «Вот и опять я скрываю, – подумала она. – На этот раз от Володи. Что у меня за натура такая?»

Она набрала свой домашний номер. Там оказалось занято.

Она подождала пять минут и позвонила снова. В трубке раздавались частые гудки. С кем он говорит? Марина решила позвонить через час, но уже через десять минут забыла обо всем на свете. В комнату вошел Володя, подхватил ее на руки и уложил на постель.

После они лежали рядом, прижавшись друг к другу, вытянувшись на смятых влажных простынях.

Спустя некоторое время Володя сел на постели и закурил сигарету.

– Дай и мне, – слабым голосом попросила она.

Он зажег для нее еще одну сигарету. Откинув руку подальше, чтобы искры не попали на постель, она лежала, изредка затягиваясь, глядя на его профиль. Он улыбнулся под ее взглядом и посмотрел на нее.

– Мы слишком увлекаемся. – В голосе его звучала немного насмешливая нежность.

Марина улыбнулась:

– Никогда в жизни я так не увлекалась...

– Никогда в жизни?

Под его взглядом она слегка смутилась.

– Я не буду лгать, что не любила мужа... Но, все, что я вспоминаю, так убого... По сравнению с тем, что я испытываю с тобой. Даже в самые лучшие минуты мне с ним не было так хорошо.

– Что ж, – помолчав, ответил ей Володя. – Могу и я тебе сказать, что мне никто еще так не нравился, как ты.

– Правда?

– Женщин было много, это верно. Но после ничего не оставалось... Только чувство пустоты. А с тобой... С тобой тепло.

Марина закрыла глаза. Она хотела запомнить его лицо таким, каким оно было в эту минуту. «Вот, я призналась ему в любви, – пронеслось у нее в голове. – Когда Света призналась своему – она погибла. А я... Я ожила. Какая же я счастливая...»

Она глубоко вздохнула:

– Не могу представить, что мне когда-нибудь придется вернуться туда...

– Не представляй, ты не вернешься. Твой дом здесь.

– Если бы мне его больше не видеть! – Марина даже зажмурилась. – Ты не можешь представить, как я не хочу его видеть! Сегодня стало его жалко, когда увидела, что он всю ночь не спал... А потом выяснилось, что он переживал из-за денег.

– Не нравятся мне все его переживания... – заметил Володя.

– Да ты сам сказал, что он не сможет ничего предпринять, ведь он не знает того человека. – Марина едва не сказала Делона, но вовремя спохватилась.

– Ты звонила ему?

– Я не ему звонила. – Марина отвела взгляд. – Подруге. У него было занято.

– Так позвони.

– Потом. Не к спеху.

Они снова улеглись рядом. Марина молчала. Света не выходила у нее из головы. «Что она делает? – думалось ей. – Обольщает очередного клиента? Или бьется в истерику? Или он решил ее успокоить, и она лежит сейчас с ним в постели, униженно выпрашивая немного ласки? Умная женщина, красавица – и позволяет себя топтать... Она любит его. А я разве не люблю Володю? Но разве я позволяла бы так с собой обращаться? Не знаю... Я остаюсь здесь, но как надолго? Мне надо развестись с Сергеем... А Володя? Не настанет ли время, когда мне придется вымалывать у него немного любви?»

Видимо, тот почувствовал, что мысли у нее невеселые, потому что снова прижал ее к себе.

– Что такое?

– Да так, раздумалась что-то.

– О неприятном?

– Ну, о разводе... И вообще.

– О «вообще», не думай. Я подумаю за тебя, ладно?

Марина невольно улыбнулась.

– Ты что, видишь меня насквозь?

– Сто раз подумай, прежде чем жить со мной. От меня ничего не скроешь.

«Как же», – ласково засмеялась про себя Марина и поцеловала его в щеку.

– Ты уверена, что ничего не сказала мужу о том типе? – неожиданно спросил он. – Он ничего у тебя не спрашивал?

– Почему вдруг вспомнил об этом?

– Боюсь, что ты не совсем отдаешь себе отчет в опасности дела. Ты не сказала про карго, про груз?

– Нет. – Ложь трудно далась ей на этот раз. Она чувствовала тревогу. – Но скажи, чего ты боишься? Он ведь ни на что не способен!

– Видишь ли, в чем дело... – медленно проговорил Володя. – Я весь день думал об этом. И мне относительно ясно все... Кроме одного – кто сказал тому красавцу, что Лена поехала к тебе, за город?

Марина похолодела.

– Но... Ведь она могла кому-то об этом обмолвиться...

– Собиралась прятаться и известила кого-то? Знал твой муж.

– И ты думаешь, он... Но никто его не спрашивал, где Лена!

– Мог солгать.

– Но зачем?!

– Может, случайно сказал тому, а после пожалел. У того типа мог быть номер вашего телефона. А твой муж, конечно, мог дать ему информацию о Лене.

– Господи, – Марина села на постели. – Ты думаешь, он знает того?

– Да нет, вряд ли. Просто я не исключаю возможности их разговора по телефону.

– Если так... – Марина задумалась. – Он наверняка пожалел о том, что сказал. Но чем же он может быть опасен?

Марине ясно вспомнилось беспокойство Сергея, страх, написанный на его лице. Боялся, что потребуют деньги? А может, еще чего-то? Боялся того типа? А чем тот красавец мог быть опасен ему?

Сергей говорил, что можно выгадать деньги... Что он имел в виду? Найти того типа? Что он знал о том типе? Неужели больше, чем она думает? Да нет, этого не может быть! Не представился же ему убийца, в самом деле! В Сергее говорила жадность. А вот о том, что он сообщил кому-то, где находится Лена, погубил ее, он правда мог умолчать...

Она тряхнула головой, отгоняя назойливые мысли.

– Сергей ничего не знает, – твердо сказала она Володе. – Не беспокойся ни о чем.

– Я беспокоюсь за тебя.

– А я нет. Ты был прав, когда сказал, что все кончилось. Все позади.

Володя погасил свет. Вскоре она почувствовала, что он уснул. Женщина лежала в темноте, прислушиваясь к его ровному дыханию. «Теперь я всегда буду слышать его», – подумала она и закрыла глаза. Она провалилась в сон и смутно уже ощущала, где реальность, а где ее фантазии. Чувствовала рядом тепло Володиного тела, и в то же время рядом стояла Света. Стояла, отвернув лицо, как будто чего-то стыдясь. Марина едва не окликнула ее, но подумала: «Да ведь это сон...» Тем временем Света повернулась, и Марина похолодела от ужаса – у нее не было лица! Вместо него гладкая болванка, на которую надевают парики. Света грустно кивала. «У нее нет лица, и он ее прогнал... – во сне подумала Марина. – И она пришла ко мне...» С этой мыслью наступила полная темнота.

Глава 5

Всю ночь ее мучили кошмары. Она смутно помнила, что в них участвовали все, кто был замешан в этой истории. Она вспомнила Свету, Сергея, Володю и даже Делона, который во сне был почему-то совсем на Алена Делона не похож. И еще она вспомнила ощущение беспомощности, которое охватывало ее во время этих снов. Оно и сейчас не прошло. Она предпочла бы не оставаться одна в квартире на весь день. Но Володя уже ушел. Она полежала еще некоторое время, потом нехотя встала, умылась, позавтракала. С чашкой кофе в одной руке и сигаретой в другой прошлась по квартире и задумчиво посмотрела на телефон. «Что будем делать? – спросила себя. – Звонить Сергею или нет? Позвоню.»

На сей раз Сергей откликнулся.

– А, – вяло ответил он. – Вспомнила все же?

– Вчера не было времени, извини.

– Телефон скажешь?

Марина назвала номер. Сергей его записал. О чем было говорить дальше, Марина понятия не имела.

– Не приедешь сегодня? – так же равнодушно спросил он.

– Не знаю, нет, наверное.

– Новости есть?

– Никаких. А у тебя?

– Звонила та баба... Напоминала про деньги.

– Надо продавать квартиру.

– Схожу к нотариусу, узнаю, что и как. Нужно твое присутствие, наверное. Оформили-то на тебя.

– Пока узнай, если надо будет, приеду.

– Ладно. – Он не сделал даже попытки возразить. – Вещи свои когда заберешь?

Марина в сердцах простилась и положила трубку. «Вот он весь как на ладони, – подумала она. – Но не всегда же он был таким! А может, всегда?»

Ей не хотелось больше думать об этом. Она понемногу пришла в себя и решила взяться за уборку нового жилища. Во время уборки она то и дело отмечала отсутствие в доме женской руки, и это ее радовало. «Теперь я буду здесь хозяйкой», – сказала она себе. Однако постаралась все оставить на своих местах, только вытерла всюду пыль и вымыла полы. Сделала ревизию в холодильнике. «Приготовлю свиные отбивные», – решила она. Выложила мясо в раковину – размораживаться. На кухонном столе нашла оставленные Володей деньги и записку: «Целую, буду после шести. Люблю». Она взяла деньги и спрятала записку в карман. Порадовалась предусмотрительности Володи – ведь у нее в кошельке оставались сущие гроши. Ушла из дома без денег...

Марина выгладила юбку, оделась, накрасилась. Выглянув в окно, захватила с собой зонт и отправилась в большой поход по магазинам.

Освеженная долгой прогулкой, вернулась домой в превосходном настроении. Даже захвативший ее еще на улице дождь не мог его испортить. Она разобрала сумку, приняла душ, вымыла голову купленным только что шампунем и, насвистывая в меру своих скромных способностей лирическую мелодию, взялась разделять мясо. Телефон зазвонил, когда она, отдувая со лба подсыхающие пряди волос, колотила по нарезанным пластинкам свинины обушком разделочного топорика. Она торопливо вытерла руки и взяла трубку.

– Марина?

Она узнала голос Светы. Но на этот раз он был вовсе не певучим. Видимо, ее никто не подслушивал.

– Это вы, Света?

– Я звоню из автомата.

В трубке время от времени что-то шипело. Марина догадалась, что это уличный гул.

– Я вас плохо слышу!

– Я в переходе метро! – закричала в трубку Света.

– Что-то узнали?

– Это он!

– Делон?

– Да!

– Я тоже догадывалась... Еще один человек описал мне голливудского красавца, который был с Леной незадолго до ее гибели! А он-то говорил, что они давно расстались!

– Делон? Верьте ему больше! Я точно знаю, это он!

Марина забеспокоилась:

– Света, а не опасно говорить вот так, по телефону?

– Меня никто не слушает. Я отъехала на другую станцию метро. Не знаю, когда еще смогу увидеть вас, поэтому слушайте!

– Да!

– Вчера вечером, уже после вашего звонка, я постаралась что-нибудь узнать о Делоне...

У него...

Марина заметила, что Света упорно не называет своего любовника по имени.

– Он ничего мне не сказал. Даже хуже – стал расспрашивать, что это я вдруг заинтересовалась им. Можно было подумать, что он ревнует. Но он на это не способен. Мне не понравилось то, что он упорно выяснял, кто мне звонил. Я боюсь, он связал вместе мои неожиданные расспросы о Делоне и ваш звонок. Я уверяла его, что звонила подруга. Он велел сказать кто. Я выдумала какую-то Олю. Он велел дать ее телефон. Вцепился в меня. Я сказала, что телефона не знаю. Что встретила, Олю в парикмахерской, и мы познакомились, и я обещала ей какой-то журнал про прически... В результате он затеял мне грандиозный скандал – как я смею давать его телефон каким-то Олям, которые, может, за ним следят!

– И все из-за меня... – виновато протянула Марина.

В трубке раздался тихий смешок.

– Уверяю вас, не эта, так другая причина нашлась бы! Вам трудно представить эту жизнь... Впрочем, о деле. Ясно, что о Делоне я вчера ничего не узнала. А сегодня он сам явился. Они сразу уединились, долго разговаривали. Он включил в это время музыку, так что из-за Венского симфонического оркестра я ничего в соседней комнате не услышала... Он всегда его включает, когда надо что-то заглушить... Говорит, что Моцарт его стимулирует... В общем, я напрасно слонялась под дверью. Кроме того, я боялась, что он расскажет Делону про мой внезапный интерес к его особе. Наконец он выключил музыку и позвал меня в комнату. Сам он вышел, а меня оставил наедине с Делоном. Делон, сладенько улыбаясь, попросил помочь сделать один телефонный звонок. «Я сам наберу номер, – сказал он. – Вы представитесь как Елена Малахова. Спросите, не пришел ли груз на ваше имя. Если пришел, то когда получать.»

Марина оцепенела.

– Он просил вас позвонить от имени Лены? – переспросила наконец она.

– Да. Я не сказала никому, что знаю о ее смерти, и постаралась на этот раз не выказать никаких чувств. Да мои чувства были ему не нужны. Ему был нужен женский голос. Не знаю, куда я звонила...

– Я знаю.

– Что ж, тем хуже. Или тем лучше?

– Я уже и сама не знаю.

– Он набрал номер, стараясь, чтобы я не видела в тот момент его руки. Я сделала все, как он сказал. Мне ответили, что груз придет послезавтра. Получить я его могу утром.

– Вам ничего не сказали о некоем напарнике? О человеке, который вписан в квитанцию вместе с вами?

– Ничего. Я передала, что мне сказали. Он поблагодарил. Попросил никому содержание разговора не передавать. Другими словами, в вежливой форме заявил: «Пикнешь – убью». Я заверила его, что все будет в порядке. Больше о Делоне речи не было. Меня просто одолжили ему на несколько минут. Такое бывает. Они ведь прекрасно знают, что я буду молчать. Что никуда не уйду, даже если будут гнать.

– Не знаю, как вас благодарить, – произнесла наконец Марина. – Вы рискуете из-за меня...

– Да нет... – Света усмехнулась. – Нечем рисковать... Не поверите, насколько нечем... Даже зло берет. Ну что, мои сведения вам как-то пригодятся?

– Теперь я знаю, кто убийца. И знаю, какие у него могут быть затруднения... Чего от него можно ждать.

– Вы знаете, чего от него можно ждать? – Голос Светы зазвучал одновременно иронически и предостерегающе. – Значит, вы знаете его лучше, чем я... А я, признаться, до сих пор не знаю, кто он. Тут я вам ничем не помогла, увы.

– Зато я знаю, чем он занимается.

– Я предпочла бы, чтобы вы этого не знали.

– Да и я тоже...

– Вы еще не отказались от идеи перейти ему дорогу? – обеспокоенно спросила Света. – Хотите узнать что-то еще?

– Я-то давно отказалась от этой идеи... – успокоила ее Марина. – Только он может внезапно вмешаться в мою жизнь... Этого я боюсь, потому и стараюсь возможно больше узнать о нем... Уверяю вас, как только он получит то, что хочет, я потеряю к нему всякий интерес.

– Так, – вдруг прервал ее неестественно спокойный голос Светы. – Напротив в переходе стоит тип, который за мной следит. Чтоб я сдохла, если это не так! Не звоните мне больше. Если удастся, сама позвоню. И бросьте это дело!

В трубке раздались гудки, и Марина слушала их, не в силах оторваться. За Светой кто-то следит... Из-за Делона? Из-за ее расспросов о нем? Как ни поверни, она, Марина, виновата в том, что Свету теперь в чем-то подозревают.

Женщина забежала взад-вперед по комнате, роняя на отмытый до блеска пол пепел от сигареты.

Ужасно чувствовать себя затравленным зверем... И вот теперь вместо Лены в качестве дичи оказалась Света. Ни в чем не повинная... Но с точки зрения ее любовника и Делона, она, конечно, повинна, да еще как! Практически заложила их. Если они докажут это, что ждет Свету? «Мне нечего терять», – так сказала ей Света. Да, жизнь у нее такая, что она ею, не дорожит... Но все же это жизнь... Все же как бы там ни было, она, Марина, не вправе была требовать подобных услуг от нее!

Некоторое время женщина надеялась, что Света перезвонит. Через час надежда пропала. Но и тревога поумерилась.

«Она ведь сказала, чтобы я не беспокоилась, – думала она. – Разговора, как видно, они не подслушали – Света сказала, что человек, который за ней следил, стоял не слишком близко... В том, что она говорила по телефону, преступления нет... Но почему следили? Ведь еще сегодня ее любовник считал ее настолько надежной, что доверил телефонный разговор для Делона. А ведь он знал про „Олю“. А за сегодняшний день она не успела сделать ничего подозрительного... Зачем за ней следят? Или ей показалось?»

Она пошла на кухню и налила холодного чая. Натюрморт на столе – куски мяса и топорик – привели ее в содрогание. В то же время он напомнил, что через пару часов должен вернуться Володя. Она вымыла руки, причесалась, выкинула окурки из пепельниц и стопкой составила их в раковину. Снова взялась за топорик, расплющивая волокна мяса и задумчиво откладывая их в сторону. Мало-помалу процесс готовки увлек ее. Она поискала в кухне сухарную крошку или хотя бы сами сухари и, убедившись в полном отсутствии того и другого, срочно взялась за их изготовление. Телефон молчал. Через час большая миска наполнилась сухарной крошкой, которую Марина трудолюбиво добыла с помощью крупной терки. Телефон молчал. В половине шестого отбивные отправились на сковородку. В семь часов вскипела вода в кастрюле с картофелем. В семь пятнадцать раздался звонок в дверь, и она открыла Володе. Он обнял ее и поцеловал. Телефон молчал. Марина устала прислушиваться к этому молчанию. И Володя ей немало в этом помог. Света, где бы она ни была, не могла подать о себе весть. Сергей, что бы он ни задумал, ничего от нее не требовал. Делон, что бы он ни подозревал, не знал ее телефона. Лена была мертва. А Володя рядом. Она положила голову ему на плечо, закрыла глаза.

Когда телефон зазвонил, за окном было темно. Марина вздрогнула, но не бросилась к аппарату. Володя снял трубку, и по нескольким фразам Марина поняла, что звонок был предназначен ему. Она вышла на кухню и принялась мыть посуду.

– Кажется, у меня завтра будет свободный день, – сказал Володя, входя в кухню. – Отменяется встреча. Может, устроим праздник?

– А какой?

– Здесь неподалеку есть озерцо. А погоды стоят – в самый раз для шашлыка! Замаринуем пару банок... Баранина есть.

– Вот здорово! – Марина подумала, каким счастьем будет провести завтрашний день на природе, вдали от телефонных звонков, от призрака Делона, который в последний раз прошел от нее совсем близко – судя по словам Светы. Завтрашний день – последний перед получением груза. А послезавтра утром все будет кончено.

Только не лучше ли ей завтра не исчезать? Вдруг Света позвонит, вдруг скажет что-то?

– Ты сомневаешься.

– Тебе кажется.

Вечер они посвятили заготовке маринада. Когда две банки, заполненные мясом, луком, помидорами, уксусом и чесноком, встали рядышком на подоконнике, Марина с Володей валились с ног. Телефон не звонил, и Марина сочла это благоприятным симптомом – кажется, ее оставили в покое.

Она уже привыкла засыпать, ощущая тепло его тела... За несколько дней привыкла к нему больше, чем к Сергею за восемь лет. «Когда я совершила ошибку? – мысленно спросила она себя. – Когда большой кусок жизни прожила с Сергеем или когда ушла от него? Быть может, счастье разлетится, как сон? Слишком быстро оно пришло, слишком... Но вот он – рядом, теплый, живой, настоящий...»

Следующее утро встретило их ослепительными, по-летнему щедрыми лучами солнца. Комната была залита светом, и Марина, открыв глаза, даже зажмурилась. «Пикник!» – радостно вспомнила она. Осторожно перебравшись через спящего Володю, она босиком побежала к окну и откинула легкую занавеску. «Плюс двадцать!» – восхитилась, взглянув на градусник за стеклом. А небо поразило ее необыкновенно насыщенным, ультрамариновым цветом. «Это уже осенний цвет, такого летом не увидишь, – подумала она. – А эти желтые деревья... Как вдруг они пожелтели... А я не заметила... Не до листьев было! Кто знает, если бы не Володя, заметила бы я вообще эту осень?»

Она обернулась, почувствовав его взгляд. Он действительно уже проснулся и теперь смотрел на нее, опершись на локоть и улыбаясь.

– А я давно уже не сплю, – заявил Володя. – Слышал, как ты кралась по комнате...

Зазвонил телефон.

«О нет! – взмолилась про себя Марина. – Только никаких новостей!»

Володя подошел к телефону, поднял трубку и, послушав пару секунд, кивнул Марине:

– Это тебя.

Понуро она выбралась из постели и с отвращением взяла трубку. Сегодня телефон она воспринимала как своего личного врага. Ей звонил Сергей.

– Что случилось? – весьма нелюбезно спросила она.

– Я был у нотариуса, – сообщил ей Сергей. – Ты отдаешь себе отчет, что до последнего срока осталось пять дней? Где я возьму деньги?

– Сначала ты тянул, строил воздушные замки, теперь спрашиваешь меня, отдаю ли я себе отчет?!

– Ты с ума сошла? – В голосе Сергея звучало удивление и беспокойство. – Ты с цепи сорвалась? Я, был у нотариуса, и сегодня нам с тобой надо вместе идти по куче инстанций... В принципе идти тебе можно и одной, как наследнице, но я все же пойду вместе с тобой...

– Нет, сегодня никаких инстанций, – отрезала Марина. – Завтра, если хочешь.

– Завтра будет поздно! – В голосе Сергея звучало смятение. Марина подумала, все ли у нее в порядке со слухом.

– А с тобой-то что? – спросила она. – Что ты так переживаешь? Сквозь землю они провалятся, инстанции эти? Завтра пойдем, обещаю тебе.

– Да нет же! – Сергей едва не кричал. – Завтра четверг, потом пятница, потом два дня выходных! А в понедельник – долг!

– Сегодня я имею право на отдых.

– Ты что? – Голос Сергея даже прервался. – Не приедешь?

– Наконец понял! Сегодня обойдись без меня. А завтра я тоже впрягусь в лямку.

Она положила трубку и направилась на кухню, но телефон тут же зазвонил снова. «Как жаль, что я не могу его стукнуть», – подумала она, прикладывая трубку к уху.

– Зачем ты бросила трубку? – ярился его голос. – Я говорю тебе, что ты должна приехать!

– Вот именно сегодня не приеду.

– Почему именно сегодня? Что ты задумала?

– Могу адресовать эти вопросы тебе! – съязвила она. – Боюсь, на тебя нашел очередной приступ бесплодной деятельности. Давай-ка перенеси его на завтра. Сегодня я отдыхаю.

– Да постой! – Его голос на миг исчез, словно он закрыл мембрану ладонью. Когда он возник снова, то смятение в нем больше не звучало. Теперь он был сух и деловит. – Скажи-ка, а ее свидетельство о смерти ты куда засунула?

– Не помню... – Марина почти не удивилась такой резкой перемене. Это было вполне в духе Сергея, каким она его узнала в последние дни. «Да уж, перепады настроения... Боюсь, кончит он в психдиспансере...» – заметила она. А вслух сказала машинально: – Поищи в моем столе...

– Нету. С собой не унесла?

– Может, и унесла, – согласилась Марина. – Сейчас посмотрю.

Свидетельство о смерти нашла сразу – оно мирно лежало в сумочке с того самого часа, как она его получила.

– Алло? – Она немного успокоилась. – Ну, оно у меня. Но все равно к тебе сегодня не поеду.

– Собралась куда-то? – неожиданно спросил Сергей.

– А тебе что? Все, позвони, если хочешь, вечером.

Она положила трубку, твердо решив как следует отделать Сергея, если он позвонит еще раз. Володя тем временем напился кофе. Ее же чашка совсем остыла. Она перелила кофе в кофеварку и принялась его подогревать.

– Загорелось ему сегодня ехать насчет квартиры... – мрачно пояснила она Володе, который, впрочем, никаких объяснений не требовал.

Телефон зазвонил, когда она уже поднесла чашку к губам. Марина не вытерпела:

– Слушай, сделай милость, скажи, что мы уезжаем на весь день, уже уехали... Скажи, что я внизу, в машине, подойти не могу...

Она прислушивалась, как Володя снимал в другой комнате трубку и что-то говорил. «Разговаривают? – удивилась она. – О чем же, интересно?» Она сгорала от любопытства, разговор продолжался добрых пять минут. Володя вернулся в кухню помрачневший.

– Это меня, – встретил он ее вопрошающий взгляд. – Черт-те что, тот человек появился...

– Какой человек? – похолодела Марина. «Неужели Делон?» – мелькнула у нее страшная мысль.

– Да по работе... Он вчера сказал, что уедет, а сегодня оказался в городе... Мне надо его увидеть до обеда.

– А пикник?... – Марина не знала, что ей делать – радоваться или огорчаться. – Что же, отменяется?

– Да почему же? Я на пару-тройку часов исчезну... Будет поздний пикник...

– Ну что ж... – смирилась Марина. – До двенадцати-то вернешься?

– Может, опоздаю.

Он собрался и вышел. Проводив его, Марина чуть ли не с ненавистью взглянула на безмолвный телефон. Как она и ожидала, именно он испортил сегодняшнее утро. «Оборвать бы его! – помечтала она. – Хорошо, хоть Сергей больше не звонит». Она снова подошла к окну. Небо все так же блистало безоблачной синевой, солнце было ярким, листья – желтыми... Но ощущение сказки исчезло. Марина стала соображать, что ей надеть на пикник, и вдруг вспомнила, что надеть нечего. Все вещи, в том числе и джинсы, остались на старой квартире.

«Все одно к одному! – вздохнула Марина. – Видимо, визита мне не избежать. Не ехать же на природу в костюме и на каблуках!» Она загрустила, подумав, что Сергей непременно закатит ей сцену. «Только бы не потащил меня к нотариусу или еще куда, – подумала она. – Ну нет, отверчусь». Она набрала номер домашнего телефона, чтобы на всякий случай предупредить Сергея о своем приезде, но трубку никто не снял. «Странно, куда он убежал? – недоумевала она. – Может, на мое счастье, решил сам пройтись по инстанциям?»

Она поторопилась одеться и накраситься. Перед самым выходом опять набрала свой номер. Ей никто не ответил. «Ну, мое счастье, – подумала Марина. – Ушел!» Взглянула на часы и выбежала, захлопнув за собой дверь. Для Володи, на случай если тот вернется раньше, оставила короткую записку, разъясняющую, куда и зачем сорвалась. Очаровательное утро плавно перешло в безумный день.

До собственного дома она добралась в половине одиннадцатого. Взятый ею темп окончательно вымотал, и она, поднимаясь в лифте, отчаянно пожелала не встретить экс-супруга, потому что чувствовала, что не будет в силах дать ему отпор. Она отперла дверь и вошла, сжавшись. Однако никто ее не встретил. В квартире царили абсолютная тишина и абсолютный беспорядок.

– Боже мой! – ахнула Марина, озираясь по сторонам. – Что это он здесь вытворил?

Посреди столовой на ковре кучей лежали ее вещи... Разве она не уложила их в сумки? Марина рванулась в спальню и открыла шкаф, куда составила сумки во время своего последнего прихода в родной дом. Шкаф был пуст, только джинсы – цель ее нынешнего визита – лежали на одной из полок. Но Марина взглянула на искомую вещь безо воодушевления.

В смятении она присела на постель. «Книги он разворошил, – медленно соображала она. – Мой стол – тоже. Отомстить решил, что ли? Искал что-то? Верно, искал – свидетельство о смерти! Утром по телефону на себя был не похож... Но – так все перевернуть...»

Она прошла в столовую и оглядела живописную кучу тряпья на полу. «И хоть бы обратно запахал... – подумала устало. – Изверг!» Она торопливо принялась укладывать вещи в пустые сумки, валявшиеся рядом. Попутно извлекла из кучи немного нижнего белья, свитер, рубашку, ботинки... Все это вместе с джинсами запахала в пакет, понадеявшись на его прочность. Посмотрела на часы – половина двенадцатого. Прогнала мечту о чашке кофе и желание дожидаться Сергея, закатить ему скандал. Взяв пакет в обнимку, отправилась в обратный путь.

На этот раз добиралась дольше. Пришлось отказаться от скачков по эскалатору, а также от перебегаания улицы в неполюженном месте. Ожидание зеленого света на перекрестке чуть не свело ее с ума. Двадцать минут первого!

Пакет по мере приближения к дому казался все тяжелее. Наконец она оперлась плечом о входную дверь Володиной квартиры. Чтобы сэкономить силы, решила позвонить, а не лезть за ключами в труднодоступную сумочку. Изловчившись, нажала кнопку звонка. Прислушалась. За дверью было тихо. «Повезло!» – обрадовалась она. Промучившись еще минуты две с ключами, вошла в прихожую. Пакет она поставила на пол и нагнулась, чтобы отыскать тапочки. А когда она, с тапочками в руке, выпрямилась, перед ней стоял мужчина такой красоты, не признать которую было невозможно. Ален Делон.

Застыв с тапочками, прижатыми к груди, она смотрела на него не отводя глаз. Кажется, открыла рот, чтобы закричать, но крика не получилось. Делон рассматривал ее молча, со сдержанным любопытством. Он первый нарушил молчание.

– А что, ты их не наденешь? – заметил он, кивая на тапочки.

Услышав «ты», Марина ощутила ужас. Она бросила тапочки на пол.

– Проходи. – Делон кивнул на дверь в комнату.

Она молча подчинилась. Войдя в комнату, увидела Сергея. Он стоял у окна, глядя на нее. В его пальцах дотлевала сигарета, которую давно следовало потушить. Увидев мужа, Марина замерла на миг. Потом с чувством взявшей откуда-то усталости посмотрела на постель, где под одеялом лежало что-то длинное. Что-то очень длинное. Сергей поймал ее взгляд, и она все поняла, глядя на его лицо. Беззвучно, в полной тишине, она опустилась на пол...

Она пришла в себя, как ей показалось, спустя целую вечность. На самом деле, обморок длился не больше десяти минут. За это время в комнате ничего существенного не случилось – Сергей по-прежнему стоял у окна, смоля сигарету, на постели под одеялом лежало что-то длинное. Сама она сидела в кресле, чувствуя, что лицо у нее мокрое. Пустой стакан из-под воды стоял рядом. Голова болела. В кресле напротив сидел Делон и рылся в сумочке.

Она встретила взгляд его ярко-голубых глаз. «Я закричу», – равнодушно подумала она. Но не закричала.

– Ну как ты? – Делон говорил с ней недовольным тоном, как будто они были знакомы сто лет и успели друг другу изрядно надоесть за это время. – Лучше?

Она не могла выдать ни звука. Делон извлек из ее сумочки свидетельство о смерти. Внимательно прочел его и сунул в нагрудный карман куртки. Одет он был щегольски, с претензией на вкус: синяя замшевая куртка, рубашка с воротом «апаш», вместо галстука – шейный платок в горошек. Руки белые, холеные, с массой перстней и колец. Слегка выющиеся черные волосы. Невнимательный, равнодушный взгляд лазурных глаз редкого оттенка. Скучающий вид. Тридцать лет или около этого. «Он убьет меня, – подумала Марина. – Убил Володю, теперь убьет меня. Он убил Лену. Он убьет всех». В голове у нее вертелось и звучало на разные лады слово «убить», и она не сразу поняла, что Делон ей что-то говорит.

– ...будет нормально, – услышала она конец фразы. – С ним, – Делон кивнул в сторону постели, – с ним, скверно получилось. Бросился на нас.

Сергей не пошевелился. Марина, взглянув на его искаженное, застывшее лицо, поняла что его вот-вот стошнит. «Идиот», – сказала она себе. К ней понемногу возвращалась способность мыслить. Но о том, что лежало сейчас на постели, она себе думать запрещала. «Это не

Володя! – бессмысленно уверяла она себя. – Это не может быть Володя!» Она потеряла лоб ладонью. Делон взглянул на нее. Закурил, кинул ей на колени сигареты. Она автоматически закурила. Присутствие Делона парализовывало ее волю. «И Сергей как под гипнозом, – подумала она. – Как будто мы с ним спим и видим сон». Голова у нее раскалывалась.

Делон между тем говорил, обращаясь к ней:

– Лена хотела обмануть меня. Она сбежала с квитанцией на получение нашего общего груза. Я искал ее и позвонил Сергею. Его телефон она сама дала мне. Он сказал, что Лена уехала за город, в пансионат, где ты была на конференции. Мне стало ясно, что она задумала улизнуть. Я поехал за ней. Мне удалось поговорить с Леной...

– На берегу? – неожиданно спросила Марина.

– Да. – Делон внимательно взглянул на нее. – Я долго за ней наблюдал, не был уверен, что на корте – именно она. Потом она пошла купаться, и я узнал ее. Потребовал, чтобы отдала квитанцию – для сохранности. Говорил с ней дружески... Но она отказалась. Что ж... Мы повздорили... – Он поднял бровь, словно удивляясь факту ссоры между ним и Леной. Чуть презрительно усмехнулся, глядя на Марину. – Характерец у нее был... Дальше все происходило очень быстро. Но я этого не хотел... Она отступила, поскользнулась, упала в воду... Едва не закричала... Нельзя было, чтобы она привлекала к себе всеобщее внимание, и так натворила достаточно глупостей. Ну, признаюсь, и я рассердился».

Марина молча слушала его. Делон пожал плечами и стряхнул пепел на ковер. Сергей у окна, казалось, превратился в камень.

– Есть коньяк... – почти добродушно сказал Делон.

Он показал початую бутылку грузинского коньяка. Марина кивнула. Он плеснул в бокалы, стоявшие на выступе стенки, не позаботившись вытереть пыль, осевшую в них. Один бокал протянул Марине, из другого выпил сам. Третий остался стоять на столе – Сергей не двинулся с места.

Марина глотнула и поморщилась. У нее перехватило горло, но ей удалось сделать еще один глоток. Она пила коньяк не смакуя, как водку. В конце концов ей стало легче, головная боль поутихла. «Оказывается, даже умирать можно с комфортом». – Подумала она, приглаживая рукой мокрые волосы. Вся грудь пиджака промокла, видимо, Делон, когда она лежала в обмороке, просто-напросто вылил ей на голову стакан воды, тем самым выказав заботу о ближнем.

Сергей внезапно покинул свой пост у окна. Он пересек комнату, стараясь держаться подальше от дивана, взял стакан и, ни слова не сказав, не взглянув ни на кого, удалился на кухню. Делон продолжал свой рассказ.

– Что ж, в конце концов, она сама была виновата, – заметил он. – Я прошел в номер.

– Как? – против своей воли заинтересовалась Марина.

– В смысле? – удивился Делон.

– Через какой вход? – Она не могла отделаться от желания выпросить у него те подробности, о которых раньше могла только догадываться. У нее было такое ощущение, которое иногда наступает во сне, – полной вседозволенности. «Все равно проснусь», – думала она раньше во время страшных и увлекательных снов. «Все равно он меня убьет», – равнодушно думала она теперь. – Через какой вход вы вошли? Через служебный?

– Это где? – Делон еще выше поднял бровь. Он, казалось, совершенно не понимал, чего от него хочет Марина.

– Это сбоку здания.

– Я вошел через главный вход, где портье, – бросил он раздраженно.

Марина усмехнулась. «А я-то идиотка! Он ведь мог спокойно пройти через любой вход. Народу полно – человек восемьдесят на семинаре – портье никого в лицо не знал. Да что уж теперь...»

– Нашли квитанцию? – спросила она.

– Да, она была в косметичке. – Делон ухмыльнулся. – Куда же еще могла спрятать квитанцию баба?

– А в квартире вы все разворотили?

– Ну да, за день до того. Она исчезла – и с концами. В смысле – с квитанцией. Мне нужна была только квитанция, не Лена. Не ее смерть. Но она заупрямилась. Что ж поделаешь!

Он снова пожал плечами. «Нервный тик это у него, что ли?» – подумала Марина. А вслух спросила:

– Что ж, квитанцию вы вроде получили. Что вам понадобилось еще?

– Понимаю! – Делон поднял указательный палец. – Есть ситуации, когда нет другого выхода. Квитанцию я получил. Но груза я по ней получить не смогу. Получателем вписана она.

– Так что же вы не подумали об этом там, на берегу?!

– Говорю же, не было другого выхода. Я видел, как она настроена. Чем такой компаньон, лучше никакого.

– Хороший компаньон – мертвый компаньон, – съязвила, не удержавшись, Марина.

– Ла-адно, – протянул Делон, нехорошо глянув на нее. – Что сделано, то сделано.

– А при чем здесь я?

– Ты – ее сестра.

– Не отрекаюсь. Дальше?

– Не спеши. Чтобы получить груз, нужно свидетельство о смерти. И это свидетельство само туда не пойдет. С ним должен явиться ее близкий родственник... Туда должна пойти ты!

Марина отвела взгляд. У нее мелькнула мысль: «Ничего бы не случилось, если бы уехали на пикник с утра».

– Ну что? – Все это время Делон не сводил с нее глаз. – Согласна?

– Скажи... – Она перешла на «ты» – отчасти из ненависти к нему, отчасти из равнодушия к собственной судьбе. – Что я должна сделать?

– Я хочу, – оживился Делон, – чтобы мы с тобой завтра утром выехали на место. Ты предъявишь документы и получишь груз. Меня при этом не будет, я буду в машине. Не хочу там мелькать. Груз получите вдвоем с мужем. Потом я подгоняю машину, грузимся, уезжаем.

– Только и всего? – Марина с трудом подняла отяжелевшие веки. – Из-за этого ты убил двух человек?

Делон скривил губы и посмотрел на нее так, как будто услышал чудовищную глупость.

– Лена получила по заслугам. Ну а он... Случайно подвернулся. Правда, сдается мне, где-то я его видел...

– Он тебя уж точно видел, – заметила Марина. – Сказал еще, что тебе прямая дорога в Голливуд.

Она еще не успела осмыслить, что за слова сорвались у нее с губ, а он кинулся на нее, как разъяренный зверь. Тряхнул ее за плечо, и она почувствовала, как жестки и грубы эти холеные, униженные золотом пальцы. Такова была и вся его красота – под ней сквозило что-то отталкивающее, жесткое, едва замаскированное внешней привлекательностью.

– Что значит – видел? Где видел? – Делон был вне себя.

– Ну, где-то. – Она едва ворочала языком. Сказывались и коньяк, и расшатанные нервы.

– Почему обо мне говорил?

– Так, сказал, что видел однажды с Леной красивого мужика. Вылитого Алена Делона.

– Черт, где видел, спрашиваю?

– А, не помню. – Она усмехнулась ему в лицо. – В кабаке каком-нибудь, наверное...

Делон отпустил ее плечо и закурил. Сощурил глаза, явно задумавшись о чем-то. Она следила за его лицом.

– Больше ничего не говорил? – спросил он, поразмыслив. – Вспомни!

– Да нечего вспоминать. Сказал один раз, и все. Мы о Лене говорили.

– А он ее знал?

– Когда-то, – коротко ответила Марина.

– А, – глумливо улыбнулся он. – Выходит, родственники.

Бросил взгляд на постель. Марина смолчала, удержав в горле горячий жесткий комок.

– А тебе он кто был? – спросил, кивая на постель, Делон.

– Любовник, – равнодушно ответила Марина.

– Давно?

– Дня три-четыре...

– Э, ну тогда еще раз извини... Сама понимаешь, я против него ничего не имел. Он бросился, поднял шум...

– А бывают такие ситуации, когда другого выхода нет, – подхватила Марина.

Он бросил на нее взгляд и смолк.

– А как вы здесь оказались? – Марину мучил один вопрос, который она не решалась задать.

– Да просто – приехали. Сергей сказал твой телефон, адрес было уже не трудно узнать...

Ты ведь отказалась приехать, привезти свидетельство... Решили тебя уговорить...

– А если бы я приехала?

– Ничего бы не случилось, – заверил ее Делон. – Получили бы груз завтра утром, и все.

– Скажи все-таки. – Марина подняла на него взгляд. – Неужели надо было его убивать?

– Я извинился?!

По его виду и тону Марина поняла, что перед ней человек, который не привык извиняться, дважды. Но в одном она убедилась: где бы ни была и что бы ни делала сейчас Света – она ее не выдала. Ее выдал Сергей. Выдал из-за своей страсти к деньгам, из самых благих побуждений. Выдал Лену, выдал ее... Все рассказал Делону. И вот теперь, увидев своими глазами убийство, помертвел от страха. Неужели он не понимал, что имеет дело с убийцей? Он ведь с самого начала знал, что кто-то убил Лену! И все же сказал ему, тому же человеку, которому выдал Лену, где находится Марина. В голове у нее снова зазвучало на все лады слово «убить».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.